

Агентство «Чудо-Трава»

Коротаяева Ольга

16+

Агентство «Чудо-трава»

Ольга Коротаева

Агентство «Чудо-трава»

«Ольга Коротаева»

2017

Коротаева О.

Агентство «Чудо-травы» / О. Коротаева — «Ольга Коротаева»,
2017 — (Агентство «Чудо-травы»)

Вам нужна месть или компромат? А может, вам необходимо стереть из памяти небольшое событие? Или хочется напугать недруга до колик? В этом вам поможет моё агентство «Чудо-травы». Добро пожаловать! И приготовьте кошелёк... Но сколько бы я ни работала, финансовое положение нашей семьи оставалось удручающим. Денег требовалось всё больше, а клиентов становилось всё меньше. И вот настал день, когда аренда офиса мне уже не по карману. Придётся не только отдать кабинет брата-инкуба, но и делить с новым соседом секретаршу-русалку! Но и этого мало! Судьба действительно ненавидит меня, раз в кабинете напротив открыл своё дело охотник на ведьм!

Содержание

Глава 1. Жуткий компаньон	5
Глава 2. Сделка с врагом	16
Глава 3. Дубовая роща	28
Глава 4. Похищенное воспоминание	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. Жуткий компаньон

Он прижал меня к стене так, что у меня невольно вырвался стон. Стоило мне поднять глаза, как голодный взгляд мой заскользил по его приоткрытым губам. Я с усилием отвернулась. Сердце бешено застучало, а во рту пересохло.

– Хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

От бархатных ноток в его голосе у меня заныло внизу живота. Я сжала челюсти, чтобы очевидный ответ не сорвался с моих губ. Через несколько секунд я прошипела:

– Отпусти меня немедленно!

Он хмыкнул, и я ощутила его холодные пальцы на своём подбородке. Он рывком поднял моё лицо, и взгляды наши встретились. Зелёные глаза его переливались совершенно фантастическими оттенками. Казалось, они гипнотизировали меня, оторваться было совершенно невозможно. Колени мои задрожали, а руки скользнули по его талии, словно змеи.

– Скажи это...

Голос его прозвучал так сладко, что дыхание моё замерло. Сопrotивляться желанию становилось невыносимо больно. Казалось, я ощущала жар его тела даже сквозь одежду. Я собрала остатки воли и выдавила:

– Нет. Не хочу.

Голос мой прозвучал совершенно спокойно, что меня очень порадовало. Хорошо же наострилась в актёрском мастерстве! Лицо его удивлённо вытянулось, а рот перекосила усмешка.

– Да?

Я кивнула, не в силах больше произнести ни слова. Лицо его выражало сомнение, а я боялась даже вдохнуть, чтобы удержать эту шаткую границу...

Тут он медленно наклонился, и я отчаянно дёрнулась, пытаюсь вырваться. Но его рука сжала моё горло, и я попыталась судорожно вдохнуть, рот мой невольно приоткрылся. Дрожа всем телом, я смотрела, как приближается его лицо, и с каждым мгновением желала поцелуя всё больше и больше.

За миг до прикосновения он вдруг замер, и глаза его весело сверкнули.

– Хочешь! – рассмеялся он.

И я вдруг обнаружила, что моя шея уже свободна, и он не прижимает меня к стене, а я сама даже встала на цыпочки, пытаюсь дотянуться до его рта. Я нетерпеливо облизала губы. А он вдруг отпрянул от меня, оставив дрожать от возбуждения.

Пятки мои медленно опустились на пол, и я покачнулась, а спины коснулся холод стены. Тело мелко затряслось, и кулаки сжались так, что ногти впились в ладони. Я опустила веки, и по щекам скользнули слёзы разочарования и злости.

– Ну ты и сволочь, Лежик! – выдохнула я.

Лежка пожал плечами. Рука его скользнула в прозрачную вазу на письменном столе. Зашуршала конфетная обёртка, и в воздухе распространился кисловатый аромат барбарисок.

– Не понял, – прошамкал он. – Ведьму нужно соблазнить или нет?

Я ощутила, как жар внизу живота сменяется острым ощущением неудовлетворённости, и обречённо потёрла виски. Давно же у меня секса не было! Так, глядишь, как кошка буду на всех бросаться. В произошедшем была доля и моей вины... Но только лишь маленькая доля! Я зло посмотрела на Лежку.

– Только не говори, что решил потренироваться на мне! – прорычала я.

Рука его снова скользнула в вазу, и я со всей силы хлопнула по ней сумочкой. Лежик взвыл:

– Спятила? Да, решил! Что тут такого?

У меня даже в ушах зашумело от такой наглости.

– Я же твоя сестра! – крикнула я и снова замахнулась.

Моя сумочка хлопнула Лежку по уху. Брат отскочил к окну и схватился за голову.

– Вот же! – обиженно взвизгнул он. – Я ради дела! Ведьм соблазнять мне ещё не приходилось... Кто вас знает? Может, у вас по-другому всё устроено...

Сумочка моя брякнулась на стол. Я уселась на деревянный стул и, завернув на стол ноги, усмехнулась. Пальцы мои ещё дрожали, и я осторожно коснулась потёртой кожи брюк.

– Дурак! – буркнула я. – Ведьма тоже человек.

Лежик вернулся к вазе, снова зашуршали обёртки. Я язвительно покосилась на сладко-ежку, который присел на стол.

– Это твой завтрак?

Он покачнул головой, и его длинные чёрные волосы скользнули по плечам.

– У меня сегодня разгрузочный день.

– Вижу, – фыркнула я. – Боюсь представить загрузочный. Вали уже, братец-кролик!

– Добрая ты, – вздохнул Лежик, поднимаясь.

Спина Лежика в чёрной рубашке немного сутулилась, а при ходьбе носки дорогих ботинок чуточку заворачивались внутрь. Я следила за братом до тех пор, пока его рука не коснулась дверной ручки.

– Кстати, о доброте, – лениво произнесла я, и Лежик обернулся. – Попробуешь ещё раз... потренироваться, и я приду к тебе ночью. Тоже... потренируюсь!

Лицо брата побелело, а влажная ладонь невольно соскользнула с ручки.

– Мара, не надо, – деревянным голосом произнёс брат. – Я больше не буду!

Я довольно усмехнулась и кивнула брату на дверь.

Хлопнула входная дверь, и послышался быстрый перестук каблучков. Я вздохнула с облегчением, на стол брякнулся изгрызанный от безделья карандаш. Я опустила ноги и для верности отсчитала десять секунд. Если я выскочу сразу, то Забава подумает, что клиентов опять нет. В принципе, верно подумает, но мне это совершенно не нужно.

Я медленно приоткрыла дверь и осторожно выглянула из кабинета. Забава суетилась около своего столика. На чистой поверхности появлялись коробочки, баночки и прочая интересная лабуда. Я с любопытством вытянула шею, пытаюсь рассмотреть покупки секретарши.

– Да нашла я твою краску, – не оборачиваясь, буркнула блондинка. – Между прочим, пришлось обойти пяток магазинов! И на кой хрен ты красишься в этот лисий цвет? Тебе очень подошёл бы светлый натуральный оттенок...

Я толкнула дверь, вылетела из кабинета и трясущимися руками вцепилась в первую попавшуюся коробку.

– Реально? – замирающим голосом уточнила я, ворочая покупки в поисках вожаделенной краски. – Прямо вот «янтарное искушение»? О! Забава, я тебя люблю...

– Да? – она сузила свои ярко-голубые глаза, и я осеклась. – А какая часть меня тебе нравится больше всего?

Вот блин! Сорвалось с языка... Я отвела взгляд, мучительно соображая, как выпутаться из ситуации. Её шикарное тело – то, о чём Забава может трепаться бесконечно. Плавали – знаем! И спасти меня может лишь Лежка, но его унесло на задание.

– Что? – Забава обиженно надула губки и одним махом стянула крошечный топик. – Ты как-то говорила, что у меня грудь шикарная! Помнишь? Что, теперь так не считаешь? – Она провела тонкими пальчиками по нежным полукружиям и пощипала соски. При этом секретарша не отрывала от меня взволнованного взгляда. – Ты думаешь, что они уже не такие клёвые, как год назад? Я так и знала! Что же мне делать? Может сходить к пластическому хирургу?

Я хватала ртом воздух, а взгляд мой скользнул в сторону двери. Не дай чёрт, сейчас завалится клиент! С одной стороны, необычное поведение нашей секретарши уже стало некоей визитной карточкой агентства, но с другой стороны это очень пугало некоторых особо закомплексованных граждан. А я сейчас не могу себе позволить упустить и одного...

– Забава, – с трудом выдавила я. – Ты прекрасна, спору нет! Хотелось бы походить на тебя, мисс совершенство, но увы, не досталось мне русалочьих инстинктов...

Её удлинённое личико расплылось в улыбке, а глаза засияли восторгом:

– Правда?

Она прошла передо мной, демонстрируя своё идеально-вылепленное тело со всех сторон. Я вздохнула: ну вот, польстила её натуре. Может, теперь Забава оденется? Но моим надеждам не суждено было сбыться. Девушка мигом стянула широкий пояс, который называла юбкой, и повернулась задом.

– А попа? – счастливо выдохнула она, не отрывая от меня голодного взгляда: – Она всё так же упруга?

Я возвела глаза к потолку: ну почему я всё время ведушь? Знаю же, что эксгибиционизм Забавки неутолим. Так нет, всё пытаюсь отделаться малой кровью. Секретарша уже стягивала рваные колготки, а во мне росла злость. Ну что, блин, её из парка до рассвета прогнали? Или за ночь мало встретилось одиноких собачников? В конце концов, маньяки, что ли, перевелись?!

– Посмотри на меня! – взвыла блондинка, сотрясая мою руку.

Глаза её расширились, а из уголка рта потекла струйка слюны. Я вздохнула: ничего не поделаешь, придётся воспользоваться даром. Я шагнула к Забаве и положила ладонь на её глаза. Девушка замерла, и тело её на секунду вытянулось перед тем, как плашмя рухнуть на пол. Я снова вздохнула, втягивая её воспоминания последних пяти минут. Так, словно и не было ничего после того, как Забава пришла в офис. Теперь надо одеть её, чтобы снова приступ не начался. Я окинула фигуру девушки, решая что натянуть скачала, – чулки или топ, как хлопнула дверь.

Я вздрогнула, и взгляд мой метнулся к входу. Клиент?! Вот засада! Как не вовремя. В дверях стоял молодой мужчина странной внешности. Меня передёрнуло от обширной татуировки на его мускулистой шее, а от вида его выбритых висков и полоски на брови вообще бросило в дрожь. Колкий взгляд буравил меня, а губы незнакомца гадливо скривились.

– Ведьма! – прошипел он с такой ненавистью, что я без промедления бросилась в свой кабинет.

Но он одним прыжком настиг меня, и я ощутила на шее его мёртвую хватку. Дыхание моё перехватило, а глаза полезли из орбит. Я с ужасом ощутила, как ноги мои оторвались от пола, и засучила ими в призрачной надежде вырваться. А перед собой я видела горящие ненавистью изумрудные глаза незнакомца. Краем глаза я уловила движение: мужик полез второй рукой в карман, и в животе у меня похолодело. Я захрипела и, отчаянно пытаюсь дотянуться до его глаз, чтобы выцарапать их, выгнулась всем телом. Блеснуло зазубренное лезвие ножа, и я отчаянно забилась, словно бабочка перед иголкой, как вдруг мужик замер. Ещё миг, и тело его обмякло, а глаза закатились. Я невольно свалилась на незнакомца, горло моё разрывал хрип.

– Мара, ты в порядке? – взволнованно воскликнула Забава.

В руках у блондинки я заметила здоровенную сумку цвета хаки. Она явно была тяжеленной, но русалка без труда удерживала её. Похоже, незнакомца она вырубилась его же багажом! Я хмыкнула, потирая шею: поделом тебе, урод!

– Жить буду, – прохрипела я.

Забавка облегчённо вздохнула, и сумка выпала из её рук. Тесёмка развязалась, и на пол посыпались штуки странного вида, у меня по спине пробежался морозец. Забава склонилась над вещами, и пальчики её выудили из кучи удостоверение. Светлые брови секретарши поползли вверх, и она исподлобья посмотрела на меня:

– Инститор.

Я невольно подскочила, но неловко наступила на руку борца с ведьмами и, не удержавшись, плюхнулась на задницу. Зубы мои застучали, а сердце замерло. Забава снова опустила взгляд на документ.

– Генрих Келлер, – пробормотала она, и рука её взметнулась, словно она хотела схватить что-то: – Так это же твой новый сосед! Именно Келлер взял в аренду половину офиса!

Зубы мои громко клацнули, как у Вукулы перед полнолунием. Забава медленно подняла на меня свои ясные голубые глаза, и в них промелькнула тень понимания.

– Так что же это получается? – пробормотала она, а взгляд её опустился на бесчувственное тело Генриха. – Наш новый сосед – охотник на ведьм?!

Я истерично расхохоталась:

– Чудеса дедукции!

Но русалка не обратила на мои вопли внимания. Брови её нахмурились, а тонкие пальцы перебирали листы документов.

– Что же делать? – взволнованно проговорила она. – Я же его вырубил! Он может отказаться от аренды за такое невежливое поведение арендодателя...

– Да и фиг с ним, – я медленно поднялась. Первый страх прошёл, оставив после себя лишь липкий пот на коже. – Никто по нему тут плакать не будет!

– Будет, – помотала головой Забава, и взгляд её стал неожиданно тяжёлым. – Ты же хотела остаться. И я пыталась найти такого человека, который снимет лишь половину офиса да ещё и меня оставит секретарём. Условия, знаешь ли, не самые приятные... Многие готовы снять офис, но лишь полностью.

По коже моей пробежались мурашки. Как же мне быть? Забава и так идёт мне навстречу, но ей тоже нужны деньги, ибо счета из психбольницы поражают нулями. А я не могу снимать целый офис ни у неё, ни у других, потому что это очень дорого. Остаться без работы тоже нельзя. Будь неладен Лежик с его гаремом! Взгляд мой скользнул по лицу охотника. Сейчас, когда его брови не хмурятся, а губы не кривятся, он даже на нормального человека похож... не считая жуткой татухи. Возможно ли, чтобы мы ужились в одном офисе?

Забава подползла ко мне, и её холодные пальцы вцепились в мою руку. Она потянула меня к охотнику.

– Ну же, – нетерпеливо проговорила она. – Давай, действуй! Если он будет помнить, что я его оглушила, он точно откажется!

Я застонала от бессилия и торопливо положила ладонь ему на глаза. И тут же в моё запястье вцепились цепкие мужские пальцы. Да так, что, казалось, я слышу треск собственных костей. Я заорала от ужаса и попыталась высвободиться, отпихивая охотника изо всех сил. Забава завизжала и навалилась всем телом на Генриха, зубы её вцепились ему в ухо. Взгляд мой натолкнулся на сверкающий в солнечном свете нож, и спина похолодела.

Генрих тоже заметил оружие и всем телом рванулся к нему. Я изогнулась и пнула нож, а охотник обхватил меня за талию и, перевернув, прижал к полу. Руки его снова вцепились в мою шею. А на нём, словно верный пёс, не разжимая челюстей, висела полуголая Забава. На мою щеку упали две тёмные горячие капли, и запахло железом.

– Твоя ворожба не действует на меня, – прорычал Генрих, а я пыталась отодрать его жёсткие от напряжения пальцы со своей шеи.

В ушах у меня зашумело, и рот раскрылся. И словно издалека донеслось:

– Я так и знал, что пропущу самое интересное!

Я буравила ненавидящим взглядом профиль институтора. Я ненавидела горбинку на его носу, ненавидела выступающие скулы, ненавидела изумрудные глаза... Вот никогда бы не предположила, что это охотник на ведьм. Он больше похож на ведьмака. С таким-то странным цве-

том глаз. Я вздрогнула, и зубы мои скрипнули от досады. На чём я остановилась? Ненавижу его полные губы и волевой подбородок. И длинные мягкие волосы, каштановой рекой струящиеся от высокого лба до затылка между берегов выбритых боков. Надо же выбрать такую неординарную причёску... Чёрт! Чёрт! Чёрт! Ненавижу!

Дрожащие пальцы мои вцепились в сотовый, и на экране возник список абонентов. Первый, как всегда, Вукула. Я ткнула пальцем в картинку с его харизматичной физиономией и прижала трубку к уху. Привычно и бесконечно длинные гудки...

– Дрить твою за ногу, Лихо! – орала Забава, а её руки мельницей крутились перед носом жилистого полицейского. – Меня едва Кондрат не хватил!

– А я что? – хитро сощурился Степан. – Вы хотели соседа, который не суёт нос в чужие дела, и я вам его нашёл!

– О, да! – зарычала Забава. – Он не суёт нос! Он сразу суёт нож! Мара едва кони не двинула от страха! Лихо ты лихо и есть! Смотри, её до сих пор колбасит.

Все трое повернулись ко мне, и мои зубы начали выстукивать дробь. Чёрт! Закройте его изумрудные гляделки! Ну не смотри ты на меня, странный-иностранный охотник! Колени мои задрожали, а дыхание участилось. Губы инститора саркастично изогнулись, а во взгляде мелькнуло удовольствие. Садюга! Да он способен привязать меня к бревну, аки в древние времена, да наслаждаться моей агонией в огне!

– Хочешь задать мне вопрос, ведьма? – высокомерно спросил Генрих, и низкий тембр его голоса отозвался вибрацией в моём солнечном сплетении.

Я с усилием разжала зубы и облизала сухие губы.

– В-вы случ-чайно не инкуб? – едва выговорила я.

На миг его лицо осветилось растерянной улыбкой, и сердце моё дрогнуло. А Генрих снова нацепил маску высокомерия, и его холодный взгляд заскользил по мне. Я сглотнула и обеими руками вцепилась в телефон. Вукула, долбаный волчара, ответь мне!

– Да что ты? – расхохоталась Забава. Весь гнев её испарился, как дымок над открытой бутылкой пива. Она кокетливо поправила топ и уронила руки, не отрывая игривого взгляда от инститора. – Красавчик не такой, как твой братец. Инкуба я бы почуяла сразу!

Генрих мрачно посмотрел на Степана, а полицейский в ответ мило улыбнулся и пожал плечами.

– У них есть лицензия, друг мой, – виновато произнёс он. – Эта ведьма в законе! Так что постарайся её не жечь...

Я вскочила.

– Что?! Постарайся? Лихо, ты решил избавиться от меня? Так прямо и скажи! Боишься, что раскрою твои тёмные делишки сослуживцам?

– Мара! – возмущённо воскликнул Степан и тоже поднялся.

Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть в глаза этому наглому и длинному полицейскому.

– Что «Мара»? – свирепо закричала я. – Привёл в мой офис инститора и даже не потрудился меня предупредить! Между прочим, он едва мне шею не сломал! А я даже защититься не могу, поскольку моя магия на него не действует...

– Почему?

Лицо Стёпы удивлённо вытянулось. Я пожала плечами.

– А я почём знаю? – Злость моя иссякла, и колени снова задрожали. Я плюхнулась на стул и проворчала: – Вон, спрости у него! Я не каждый день встречаюсь с охотниками. На меня вообще никто никогда не охотился...

– У! – протянула Забава, и веки её медленно опустились, а на лице расцвела мечтательная улыбка: – Это ты зря! Вот помню я как-то в полнолуние...

– Забава! – рывкнула я, и секретарша вздрогнула. – Помнишь договор? На работе ты не резвишься... по возможности.

– Точно, – ничуть не обидевшись, проговорила Забава. Она покосилась на Генриха и промурлыкала: – Но если хотите, я расскажу вам эту историю вечером. Что предпочитаете? Пиво или виски?

Инститор даже не посмотрел в её сторону. Его прямая спина заставляла меня нервничать. Охотник был напряжён так, словно в любое мгновение готов сорваться с места и свернуть мне шею. Хотя, почему «словно»? Скорее всего, так оно и есть. И лишь дружеские чувства к Степану, а возможно и моя лицензия, и присутствие охранника правопорядка, останавливали его.

– Я готов тебя выслушать! – ревниво воскликнул Степан, осыпая Забаву страстными взглядами. – Заехать за тобой вечером?

Но Забава лишь скривилась:

– Ты скучный.

Я хмыкнула, наблюдая, как по щекам полицейского скользнули желваки, а глаза сузились. Я бы Лихо скучным не назвала, с его появлением никогда не предугадаешь, откуда упадёт кирпич или под какой ногой сломается доска. Человек, который на все сто оправдывает кликуху. Но у русалки свои приоритеты. Увы, Забаве не интересны те, кто уже влюблён в неё. Но в того, кто её отталкивает, она вцепится зубами! Я покосилась на белую полоску пластыря на красном ухе Генриха, и губы мои невольно растянулись в мстительной усмешке. Надо бы Забаве премию выписать... если закроем дело, конечно.

Я откинулась на спинку стула и закинула ноги на стол. Сотовый брякнулся на дно полупустой чаши с конфетами. Вукула всё ещё игнорирует мои звонки и смс. Я вздохнула и покосилась на стену. На большом перекидном лунном календаре нарисована почти полная луна. Если волколак не ответит до завтра, то можно стереть его номер из сотового. Сердце моё заныло, а из горла вырвался стон. Ну зачем он попросил меня выйти за него? Плохо что ли жилось без кольца?

Не в силах оставаться на месте, я подскочила и подошла к окну. Улица, залитая яркими лучами, шевелилась, словно огромная змея. Сотни пешеходов текли мимо нашего здания в сторону центра. Зубы мои сжались, а пальцы впились в подоконник. Такое удобное место! С одной стороны, хорошо, что Степан подкинул нам соседа. С другой... это же Лихо! Он физически не может совершить что-то, что не вызовет жутких последствий. Как его в полиции терпят, ума не приложу!

Но делить офис с охотником на ведьм... Это же безумие! Это просто невозможно, и не стоит даже пытаться ужиться. Мы же поубиваем друг друга в первые же сутки. Губы мои сжались, а дыхание стало рваным. У институтора больше шансов одолеть меня, поскольку я не могу применять свою силу против охотника. Нужно отказаться! Как придёт мой ветреный братец, так сразу и скажу Степану, а он пусть сам с другом разбирается.

Когда я приняла решение, стало спокойнее. Дыхание выровнялось, и улыбка коснулась губ. Я справлюсь! Обязательно появятся новые клиенты. Не вечно же будет продолжаться эта чёрная полоса? Жизнь такая штука...

– Ого! Вот это штука! – услышала я возбуждённый голос Степана. – Круть!

Я с любопытством оглянулась на распахнутые двери. О чём это они? Но как ни напрягала слух, голоса институтора я не расслышала. С того места, где я стояла, был виден кусочек бывшего кабинета брата и затылок полицейского. Я медленно приблизилась к столу, и шея моя вытянулась, а взгляд скользнул через два проёма в помещение на противоположной стороне офиса. Кажется, в руках Степана что-то коричневое, похожее на дырявый шлем. Не эту ли штуку я видела в числе тех, что высыпались из сумки Генриха?

Степан обернулся, и я невольно вздрогнула, ощутив на себе его ироничный взгляд.

– Мара! – вскрикнул он. – Подойди!

– И не мечтай, – фыркнула я, усаживаясь на край стола. Руки мои скрестились на груди. – Я туда ни ногой!

Степан широко улыбнулся и быстрыми шагами направился ко мне. Я сверлила подозрительным взглядом его довольную физиономию.

– Представляешь? – воодушевлённо начал он, протягивая мне странную конструкцию из ржавых железных полос. – Это специальный шлем для ведьм! – Я с ужасом покосилась на нечто, более напоминающее старинное орудие пыток, и меня зазнобило. – С его помощью можно выведать любые секреты. Ну-ка примерь!

Он протянул руки, намереваясь нахлобучить на меня это уродливое нечто, и я отскочила.

– Лихо, ты – дебил? – несчастным тоном спросила я, и лицо полицейского вытянулось.

– А что такого? – он невинно похлопал густыми, как у девицы, ресницами. – Вот, смотри! Вот эту вилку нужно разместить на уровне шеи, а её противоположный конец упирается в грудину. Здесь подкрутить, чтобы отрегулировать размер и всё! Ты мне расскажешь, что сделала с той свидетельницей, которая так внезапно пропала из моего кабинета. Мы ведь до сих пор эту девку не нашли...

– Теперь я понимаю, на какой именно почве вы сдружились с инститором, – обречённо вздохнула я. – Оба садисты! Подойдёшь ко мне с этой штукой ещё раз, Лихо, и можешь забыть о свидетелях, которым нужно стереть невыгодные тебе воспоминания!

Степан испуганно отпрянул, и губы мои расплылись в довольной ухмылке.

– Ладно тебе, – буркнул он и шагнул к выходу, а я показала язык его спине. – Уж и пошутить нельзя...

– Ты уже пошутил сегодня, – зло расхохоталась я. – Инститора мне притащил. Шутка года, блин!

– Не буди Лихо, пока тихо, – сладким голосом пропела русалка.

Я задохнулась от возмущения: это кто его будил?! Забава сама же попросила Степана о помощи!

А он, проходя мимо стола секретарши, протянул руки с устройством к русалке:

– А может, на тебе испытанием?

Та взвизгнула и мгновенно скрылась под столом. Полицейский с удовольствием рассмеялся и присел на корточки. Голова его склонилась ещё ниже.

– Говори, где сегодня ночью планируешь ловить восхищённые взгляды! – с напускной суровостью спросил он. – Только честно! А то я вчера с патрулём весь Центральный парк обошёл, и, как назло, ни одной эксгибиционистки не встретил! Ребята были страшно разочарованы...

– Уйди, противный! – пискнула Забава. – И больше не тыкай мне в лицо этой штукой!

– Чем тут тыкают в лицо моей ненаглядной русалки? – заинтересованно уточнил Лежка. Я улыбнулась брату: выглядел тот довольным, а значит, задание выполнено. – Лихо, отстань от Забавы! Покажи мне свою штуку, раз охота!

– Опаньки, – хмыкнула я, подмигивая Лежику: – Ты, никак, на мальчиков переметнулся, братец-кролик? Что, девки надоели?

– Чтобы я отказался от женщин? – инкуб выпрямил спину, и глаза его горделиво сверкнули. – Да ни за что!

– Утешает, – улыбнулась я. – А что насчёт одной из них? Удалось соблазнить ведьму?

Лежка кошачьей походкой прошёл в мой кабинет и уселся на край стола. Рука его привычно скользнула в вазу, и он удивлённо посмотрел на выуженный телефон.

– Спрашиваешь! – горделиво проговорил он, отбрасывая мой сотовый и снова запуская пальцы в вазу. – Я очень качественно её соблазнил! Боюсь, старушка ещё неделю не сможет сидеть.

Зашуршали обёртки, и я снова ощутила лимонадно-леденцовый аромат. Степан прислонился к косяку, а хитрый прищур его глаз выдавал крайнюю степень любопытства.

– В каком смысле «старушка»? – спросил полицейский.

Лежка пожал плечами и прошамкал:

– В прямом. Вот её фото. Прихватил для коллекции...

Степан поспешно шагнул к нам, и мы склонились над карточкой. Плечи мои дрогнули, а в горле встал комок. Я медленно подняла глаза на брата и пробормотала:

– Лежик, прости! Я не знала, что она реально бабулёк!

Я опустила взгляд, и щёки мои ожгло, а виски сдавило. Я ощутила себя последней дрянью, которая ради денег подложила молодого красивого парня старухе, которой не меньше восьмидесяти!

– Она же женщина, – ласково проговорил брат, и я резко вскинула голову. Лежик улыбался: – Какая разница сколько ей лет?

– Да ладно?! – оторопело проговорил Степан, уважительно поглядывая на Лежку. – У тебя стоит и на таких? Ну ты крут!

Брат стащил ещё конфету и ткнул ею в ржавый шлем:

– А это что?

– О! – воодушевлённо воскликнул Степан. – Это чудо-шлем! Хочешь, испытаем на тебе его волшебную силу?

Я выставила руки ладонями вперёд.

– Стоп! Кто тронет брата, будет иметь дело со мной!

Улыбка растаяла на лице полицейского, и он поспешил к двери.

– Всё равно Лежик всегда правду говорит, – разочарованно проворчал он. – Какой от инкуба прок?

Я проследила взглядом за его бегством и перевела вопросительный взгляд на брата.

– Удалось забрать компромат? – тихо спросила я.

Лежка внезапно кашлянул, и лицо его налилось кровью, а пальцы вцепились в горло. Я вскочила и похлопала брата по спине. Он судорожно вдохнул, и тело его сотряс надрывной кашель. Я ждала.

– Прости, – едва выговорил брат.

Брови мои поползли вверх.

– Ты что?! – взвизгнула я. – Так увлёкся раритетом, что забыл о задании?

Лежка протестующе взмахнул руками.

– Нет, конечно! – быстро проговорил он. – Когда ведьма уснула, я обшарил весь её дом. Но ничего найти не удалось. Прости...

– Чёрт, – выругалась я. – Выходит, я зря тебя мучила.

– Мучай меня, сколько хочешь, – мечтательно улыбнулся Лежик. – Мне только в радость.

Шикарное пополнение моей коллекции! Знаешь, когда она вынула вставную челюсть...

Я вскочила и закричала:

– Не хочу ничего знать!

Лежка отшатнулся:

– Молчу-молчу...

Зазвонил телефон, и я подпрыгнула от неожиданности. Бросилась к столу, дрожащими руками пытаясь подхватить трубку, но та выскальзывала из непослушных пальцев. Брат спокойно взял сотовый и передал его мне. Я торопливо проговорила:

– Вукула! Ты мне нужен! Срочно!

А в ответ услышала безжизненную запись:

– Вы просрочили платёж по кредиту. Задолженность составляет...

Трубка выпала из моих рук, а на глаза навернулись слёзы. На плечо легла тёплая рука Лежки, и я благодарно сжала его ладонь.

– Не опускай нос, старушка, – мягко проговорил он. – Тебе по зубам и не такие орешки!

Я нервно хихикнула, вспомнив о вставной челюсти его последней любовницы, а взгляд мой метнулся в сторону бывшего кабинета брата. Неподвижная фигура Генриха напоминала каменное изваяние, а его изумрудные глаза излучали холодную решимость. Улыбка моя растаяла, и я обречённо прошептала:

– Боюсь, что как раз такие и не по зубам.

Забава выхаживала по кабинету, удивительно напоминая цаплю с заложенными за спину руками и вытянутой шеей. Лежка сидел на столе и по-детски болтал ногами. Я смотрела на них, и злость моя нарастала.

– Короче, идей никаких, – подытожила я. Приложила руку к гудящей голове и простонала: – Вот ёкарный бабай! Так неохота терять тридцать штук!

Брат посмотрел на меня с сочувствием, голос его зазвучал мечтательно:

– Я могу ещё раз соблазнить её...

Я вскинулась:

– Ни за что! Хватит с неё и одного счастья! И так лет до ста будет подругам рассказывать... А эта доживёт и до ста! Насчёт её подруг не уверена. Надо же, какая умная нашлась! Продавать приворотное зелье, а потом шантажировать жертв!

– Мара! – остановилась Забава, и глаза её алчно сверкнули: – А почему мы так не делаем? Отличная же схема.

Я закашлялась, и Лежка ласково потрепал меня по шее.

– Не сильна я в зельях, – прохрипела я, решив не растекаться мыслью по древу о том, как всё это противно... и противозаконно. – Если честно, то от моего первого приворотного зелья парень, который мне тогда нравился, попал в реанимацию.

– О! – встрепенулся брат. – Я помню тот случай. Неделя поноса и страшные язвы. Было прикольно!

– Да уж, – пробормотала я, ощущая, как ожгло мои щёки. – Именно ты, мой добрый брат, и не даёшь мне забыть об этом позоре...

Лежка широко улыбнулся, словно я его похвалила. Раздался резкий звонок, и брат подскочил, а его руки зашарили по телу в поисках сотового. Я с удивлением посмотрела на его дрожащие пальцы, когда он прислонил трубку к уху.

– Что? Кто? Правда? Сколько? Ты умничка! Я тебя обожаю!

Он опустил руки, а я уже сгорала от любопытства.

– С чего вдруг столько счастья на лице? – невинно поинтересовалась я. – Тебя пригласили на съезд пенсионеров?

Лежка не обратил внимания на мой сарказм, глаза его горели восторгом. Он подскочил на месте, словно ребёнок, которому купили долгожданную игрушку.

– У меня сын! – завопил он.

– Блин, – помрачнела я. – Ещё один на мою шею. Нет от племянников житья! Топить их в речке надо...

– Мара! – возмущённо воскликнула Забава, и я виновато пожала плечами. Секретарша подошла к Лежку и сердечно обняла его: – Поздравляю! Сын – это замечательно. Но вершина счастья – это дочка.

Я хмыкнула:

– У него этих вершин уже семь!

– Восемь, – педантично поправил Лежик.

– Надо список обновить, – скривилась я и покачала головой: – Ты такой приткий, брат! Давай помедленнее штампуй детей, я не успеваю их записывать!

– Никого я не штампую! – обиделся Лежка. – Мои дети замечательные!

– Кто бы спорил, – вздохнула я и выудила из сумки кошелёк: – Сколько?

– У тебя пятёрка есть? – с надеждой спросил Лежик и, заметив мой возмущённый взгляд, добавил: – Остальное я сам заработаю! Сегодня пятница, – самый клёвый день! А если повезёт, то и долг тебе отдам...

Я уныло потянула купюры из кошелька, и Лежка быстро цапнул протянутые ему бумажки.

– Что бы я без тебя делал? – благодарно произнёс он.

– Детей, разумеется, – фыркнула я. – Кажется, ты единственный инкуб в мире, который заботится о своём потомстве.

Лицо брата потемнело, а глаза свернули, и сердце моё заныло.

– Я не такой, как наш отец-кукушка, – зло выплюнул он. – Мои дети не будут расти без родителей!

И быстро покинул кабинет. Хлопнула дверь. Я ладонями сжала виски, – голова болела всё сильнее, и покосилась на Забаву.

– Похоже, у меня мигрень, – пожаловалась я.

Лицо секретарши осветилось в белозубой улыбке.

– Значит, пора доставать лекарство, – весело подмигнула она. – Благо, Лихо и Лежка свалили, и конкурентов у нас не будет!

Забава исчезла за дверью, а я разминала пальцами виски, пытаясь ослабить навалившуюся на меня боль. Может, это аллергия на инстингатора? Эх, как не вовремя был звонок из банка! Еще час назад я бы быстро избавилась от аллергена. Но где найти деньги на взнос? Хреновый из меня распорядитель средств. Последнее отдала брату для его спиногрызов...

Впорхнула Забава, в одной руке её золотилась в солнечных лучах бутылка коньяка, а другой она потрясала рыжей коробочкой. Краска плюхнулась на стол перед моим носом, и секретарша подхватила из кулера пару одноразовых стаканчиков.

– Извини, дорогая, что без бокалов, – пропела она, наливая в них янтарную жидкость.

– Ляд с ними, – отмахнулась я и с удовольствием вдохнула аромат изюма в спирту. Пальцы мои осторожно обхватили скрипнувший стаканчик, и я нетерпеливо слотнула: так хотелось хоть ненадолго избавиться от проблем! – За что пьём?

Забава задумчиво покрутила свой стакан и произнесла:

– Это же лекарство? Значит, за здоровье!

Я опрокинула стаканчик, и жидкость горячей волной прокатилась по гортани, а небо защипало. Я резко выдохнула и задержала дыхание.

– Неплохо, – с удовольствием проговорила секретарша и снова пригубила напиток. Она язвительно покосилась на меня: – Видели бы тебя ценители, свалились бы без чувств! Залпом двадцатилетку!

Я уважительно покосилась на бутылку:

– Действительно негоже! Проявила неуважение, каюсь. Я же младше на целых два года! Зато мы с ним одной крови...

Забава усмехнулась и наполнила мой стаканчик.

– В твоих жилах течёт алкоголь? – фыркнула она. – Я бы сказала, что вы одного цвета... Вот скажи мне, на кой ты красишься в рыжий?

Я залпом выпила коньяк и поморщилась, – боль отступала уж очень медленно, и пожалала плечами:

– Когда я только начинала, ещё без офиса, то работала по объявлениям. После того, как в десятый раз от очередного клиента услышала: «А я думал, что ведьмы рыжие!», то решила, что проще перекраситься, чем отбывать срок за убийство. Я до сих пор на эту фразу неадекватно реагирую...

– Понятно, – хихикнула Забава. – Буду знать волшебные слова, которые способны мгновенно довести тебя до белого каления. Может, и пригодится.

Я ссутулилась, и подбородок мой коснулся поверхности стола.

– Мне бы такие волшебные слова, – пригорюнилась я, – которые способны мгновенно выведать у ведьмы, где же она спрятала компромат на клиента...

Забава с шумом отпила из стаканчика, и я вздрогнула. Тело моё выпрямилось, а взгляд устремился в сторону закрытой двери.

– Забава, – деревянным голосом проговорила я, и секретарша удивлённо приподняла светлые брови: – А этот... Генрих! Он тоже свалил? Что-то тихо стало...

Русалка пожала плечами.

– Вроде он пошёл провожать Лихо, – растерянно проговорила она. – Возможно, они отмечают нашу сделку в баре внизу. А что?

Губы мои расплылись в улыбке, а сердце радостно застучало. Я лукаво покосилась на секретаршу:

– Да есть у меня одна мыслишка...

Меня прервала трель звонка, и Забава подпрыгнула на месте:

– Неужели клиент?

Я растерянно смотрела, как её стакан покатился по столу, и клякса коньяка растеклась по блестящей поверхности. Секретарша распахнула дверь и бросилась к телефону.

– Агентство «Чудо-травы», – радостно пропела она в трубку.

Я с интересом приподнялась, и сердце моё забилося ещё быстрее: может, подвернётся дельце получше, и не придётся окучивать эту ведьму? Но лицо Забавы мрачнело с каждым мгновением. Уголки её губ опустились, а высокая грудь заходила ходуном от рваного дыхания. Секретарша схватила трубку двумя руками.

– Как давно? – Я едва расслышала её: голос Забавы дрожал. – Еду!

Жёлтая трубка клацнула, упав на старый аппарат с древним устройством, которое нужно покрутить, чтобы набрать номер, а глаза Забавы заблестели от едва сдерживаемых слёз, и я резко поднялась:

– Что случилось?

– Мама... – Голос её снова дрогнул.

– Опять сбежала из психушки? – понимающе вздохнула я и опустилась на стул.

Забава кивнула, она кусала губы, стараясь не разреветься, а я показала взглядом на дверь.

– Чего стоим, кого ждём? – резко спросила я. – Беги уже, лови старушку, пока эта эксгибиционистка со столетним стажем не довела кого-нибудь до сердечного приступа...

– Спасибо, – прошептала Забава, и рука её нашарила сумочку. – Прости, что бросаю тебя в такое сложное время...

– Ты оставляешь мне достойную замену, – хмыкнула я, помахивая бутылкой.

Секретарша выпорхнула из офиса, а я мрачно покосилась на дверь инститора и налила себе новую порцию.

– Ну, за храбрость!

Глава 2. Сделка с врагом

Сердце моё бешено стучало, а голова кружилась от коньяка. Я уже пожалела о последней стопке, ибо, вваливаясь в бывший кабинет брата, едва переставляла ноги. Запасные ключи звякнули в кармане, а взгляд мой скользнул по полутёмному помещению. Когда успел настать вечер? Руки затряслись, а во рту пересохло. Лишь бы инститор не вздумал вернуться. Не знаю, что он со мной сделает, если застанет за кражей... Хотя знаю, конечно! Живот скрутило от страха.

Взгляд мой остановился на объёмной сумке цвета хаки, та была закрыта. Возможно, Генрих уже сложил все вещи после того, как Лихо их рассмотрел.

Я усмехнулась: не думаю, что Генрих по доброте душевной провёл полицейскому сеанс знакомства с орудиями пыток, скорее всего это была показательная демонстрация для ведьмы. Я вздохнула и медленно двинулась к сумке. Придётся искать шлем среди этих жутких приспособлений. Надеюсь, похожих чепчиков у охотника нет...

На запястье моём сомкнулись жёсткая хватка, и меня бросило в жар, а волосы на голове зашевелились. Генрих, появившийся словно ниоткуда, резким движением прижал меня к стене, и дыхание моё остановилось, когда его пальцы сжали моё горло.

– Ведьма, – прошипел он сквозь сжатые зубы.

В глазах моих потемнело, а в ушах зашумело. Ну всё! Конец мне. Видимо, охотник выпроводил полицейского да вернулся, пока мы с Забавой пили коньяк. Челюсть моя задрожала от ужаса, а глаза расширились, когда его лицо приблизилось. Инститор не отрывал от меня пристального взгляда, губы охотника презрительно скривились, а пальцы немного ослабили хватку. Я судорожно вдохнула.

– Пришла любить меня? – холодно спросил он, и сердце моё ёкнуло.

– Что? – растерянно пролепетала я, а колени мои задрожали.

Инститор широко усмехнулся и язвительно произнёс:

– Лихо рассказал мне о твоём отце. Я в курсе, что дети инкубов обладают нестерпимой тягой к сексу. Но спать с тобой я не намерен.

Я ощутила, как пальцы его соскользнули с моей шеи, он резко отшатнулся, а я медленно съехала по стене и села на пол. В голове моей зашумело, а в животе похолодело.

– Нет, – прошептала я, не веря в происходящее. – Я и не пыталась... Вы неправильно поняли...

Генрих нервно прошёлся по кабинету и замер у окна, я растерянно смотрела, как пальцы его впились в подоконник, а плечи приподнялись.

– Ты хоть понимаешь, ведьма, какво мне?! – вдруг выкрикнул он, и я вздрогнула. Он резко повернулся, и я невольно сжалась от ярости, которая сверкнула в его глазах: – Нет, конечно! Ты думаешь только о себе.

– Я не понимаю, – пролепетала я, пытаюсь подняться, но ноги словно внезапно стали ватными и отказывались удерживать тело. Я снова уселась на пол и посмотрела на инститора снизу вверх: – Вы о чём?

Он быстро подошёл, и я вжалась в стену, когда он присел на корточки. Взгляды наши встретились.

– А то, что любому охотнику неизмеримо тяжело находиться рядом с ведьмой и не убить её, – прошипел он, и глаза его сузились. – Это желание въелось в моё тело, жажда твоей крови пронизывает мои жилы, каждое прикосновение к тебе для меня словно удар током. И ты решила, я смогу думать о сексе?

– Да нет же! – запротестовала я, показывая пальцем на его сумку. Я хотела рассказать о том, что хотела украсть его шлем, но слёзы душили меня, и я не смогла произнести ничего, кроме: – Нет же!

Генрих хмыкнул, и голова его покачнулась.

– Твой взгляд был полон желаний, – обвинил он, и я задохнулась от чувства несправедливости. – Или ты думаешь, что я не заметил, как ты пялилась? Забудь, ведьма. И немедленно выметайся из моего кабинета, если хочешь жить!

Он произнёс это таким тоном, что я, не в силах подняться, поспешно поползла к двери на четвереньках. Ладони мои ощутили на полу влагу, которая сочилась из моих глаз. Как я ненавидела сейчас этого урода!

– Я вынужден оставаться здесь. – Услышала я его глухой голос, и сердце моё невольно дрогнуло от боли, которая зазвучала в его словах. – Но как только я решу свои проблемы, я покину этот городок навсегда.

Я передвигала руками ещё быстрее, пересекая порог, привалилась к стене и торопливо поджала ноги, чтобы не прищемило резко захлопнувшейся дверью. Медленно, опираясь немощными руками, я поднялась. Ноги дрожали, а слёзы душили. Я побрела к своему кабинету, а в голове кружились самые разнообразные идеи, как я отомщу охотнику. И применение зелья моей юности, от которого тело того парня покрылось кровавыми язвами, было из них самой гуманной.

Едва я добралась до своего кабинета, как сразу заперлась изнутри и прижалась спиной к двери. Ну почему я не постучала? Как самонадеянно вломилась в кабинет инститора, поверив, что тот со Степаном. По коже пробежался морозец, когда я вспомнила слова Генриха. Жажда моей крови пронизывает его. А что, если он не сдержится и... Я сглотнула и бросилась к бутылке. Но та задрожала в моих руках, и коньяк щедро оросил стол, ни капли так и не попало в стакан. Я плюнула на него и жадно присосалась к горлышку.

– Что, настолько плохо? – спросил Вукула, и я подавилась. Бутылка упала на пол и покатилась в сторону раскрытого окна, в проёме которого сидел мой бывший парень. Волколак ловко спрыгнул с подоконника и подхватил бутылку. – Видимо, да.

Я прокашлялась, прижимая дрожащие руки к груди. Как давно он здесь? Если Вукула видел, как я на четвереньках выползаю из кабинета Генриха, я от стыда просто умру на месте! Сердце моё загрохотало, а по щекам вновь заскользили слёзы от пережитого унижения.

Волколак поставил бутылку на стол и обратил на меня взгляд своих волчьих глаз. Я отметила, что зрачок его принял вертикальную форму, как всегда бывало под полнолуние. Вукула отпустил веки, рассматривая беспорядок на столе. Он осуждающе покачал головой и холодно спросил:

– Зачем звонила?

Я не выдержала и бросилась к нему, прижимаясь к широкой груди волколака.

– Я так соскучилась!

Плечи его напряглись, и Вукула решительно отстранил меня.

– Не прикасайся ко мне!

Я отшатнулась, и дыхание моё перехватило.

– Но почему?

Губы его скривились, а глаза полыхнули золотым огнём. Я шагнула было к волколаку, но тот торопливо отступил к окну, и я остановилась, боясь, что Вукула сейчас исчезнет, и я снова не увижу его три месяца.

– Ты мне нужен, – в отчаянии прошептала я. – Не уходи!

– Нужен зачем? – холодно уточнил он. – Если для меня есть работа, пусть звонит Забава. На твои звонки я отвечать не стану.

Я взвилась от ярости:

– Но почему? Что я такого тебе сделала? Нам же было хорошо вместе. Зачем тебе нужно закольцевать меня, а? Разве нельзя просто жить вместе?

Вукула хмыкнул и присел на подоконник, взгляд его скользнул на небо, а кадык на шее дёрнулся.

– Закольцевать, – с болью в голосе спросил он. – Ты произносишь это так, словно я собирался надеть на тебя ошейник. Ты же знала, что волколаки моногамны. Я действительно любил тебя, Мара. И твой отказ для меня был серебряной пулей в сердце. Ты убила мои чувства... Я больше не хочу быть твоей игрушкой.

– Игрушкой? – я задохнулась возмущения.

Вукула посмотрел на меня, и взгляд его стал тяжелее свинца.

– Скажи честно, Мара, – ровно произнёс он. – Сколько раз я делал тебе предложение?

Я вздрогнула, и сердце моё забилося сильнее. Он догадался? Я попыталась мило улыбнуться, но непослушные губы мои лишь дрогнули, а в лицо бросилась краска. По щекам Вукулы скользнули желваки, а взгляд опустился.

– С этого момента, – мрачно произнёс он, – я хочу всё помнить, Мара. Так что, прошу, никогда больше не прикасайся ко мне. Я больше не твой любовник, но пока ещё твой друг...

И он исчез. А я опустила грудь на стол, не обращая внимания, как одежда пропитывается разлитым коньяком, и ладонь моя прикрыла веки. Ах, как жаль, что я не могу сама себе стереть воспоминания! Как бы я хотела вычеркнуть эти два эпизода из своей жизни. Взгляд мой скользнул по бутылке, наполненной на треть, а губы скривились. Придётся воспользоваться человеческим способом забыться.

Через час мне стало всё равно, что красавчик-институт жаждет меня придушить, а красавчик-волколак не хочет меня и касаться, что ничего не получается с единственным делом. И даже что я могу потерять дом, если в ближайшее время не оплачу взнос по кредиту. Звонок от Забавы застал меня за внимательным изучением дна пустой бутылки. Я как раз размышляла, на какое же безумство мне решиться, как русалка предложила потерять память невезучим гражданам, которых до белых волос напугала её голая старушка-мать.

Я подхватила из бара внизу пьяного Степана, который топил в виски свою несчастную любовь, и мы отправились в Центральный парк. Забава всё ещё пыталась поймать свою буйную мамашу. Мы связались по телефону и договорились встретиться у пруда. Лихо решил вызвать подкрепление и замер на месте, держа перед лицом сотовый, но почему-то гугл не отвечал на его невнятные запросы и не желал самостоятельно вызывать полицию.

Я же, покачиваясь, побрела по тёмной дорожке, а деревья расплывались перед глазами. Споткнулась обо что-то и, падая, заметила в кустах движение. Под руками оказалось нечто тёплое и мягкое. Я попыталась сосредоточиться на белом пятне, которое маячило перед глазами. Кажется, это человек. Он что, без сознания?

С диким хохотом из кустов выскочила здоровенная фигура, и я мгновенно протрезвела от ужаса. Широкоплечий зад престарелой русалки мерцал белизной при свете луны, а от болтающихся колбас отвисших грудей бросало в дрожь. Редкие волосёнки на непропорционально маленькой голове задорно светились рыжиной, и я сразу поняла нелюбовь Забавы к этому цвету.

– Кто здесь? – игриво спросила старушка, и шею мою сковал жуткий холод от безумного взгляда её белесых глаз. – Выходи! Давай поиграем!

Я торопливо вытащила сотовый, одним нажатием вызывая Забаву. Злость, накопившаяся за день, вылилась на безумную русалку.

– Ну давай поиграем, – прорычала я и бросилась на сумасшедшую.

Но та сразу просекла, что перед ней ведьма, и успела отскочить. Моя ладонь пролетела мимо её глаз, и пальцы скользнули по потной коже её плеча. Я рухнула головой в колючий

кустарник, и острые ветки болезненно оцарапали мои голые руки. Сзади удалялся безумный хохот престарелой русалки.

– Мара! – услышала я крик Лихо. – Ты где?

Я выплюнула смесь листьев и земли и прорычала:

– Тут я! В кустах. Осторожнее, там на тропинке...

Но раздался вскрик, и на меня навалилось нечто тяжёлое. Я крякнула, и лицо моё вновь погрузилось в сырую землю.

– Прости, – прохрипел на ухо Лихо. – Я за что-то запнулся...

Я пыталась отплеваться, но во рту уже поселился вкус гнилой травы.

– Твою ж мать, Лихо, – просипела я. – Слезь с меня, медведище! Там человек...

Степан перекатился, и я судорожно вдохнула, потирая примятые бока. Когда меня так прижимал Вукула, за этим хотя бы следовало удовольствие. Сейчас же я только наелась земли. Раздался стон, который сменился тихим плачем. Степан резко сел, и голос его стал деревянным:

– Что это с ним?

Я подползла на четвереньках к очнувшемуся пострадавшему, и ладонь моя легла тому на круглые от ужаса глаза.

– Я его понимаю, – содрогнулась я, вспоминая толстое страшилище с шестью конечностями. – Сама не против свихнуться после такого зрелища... Ты это, если что, лучше не смотри! Вызвал подкрепление?

Лихо потряс сотовым:

– Кажется, сел аккумулятор...

Я бросила короткий взгляд на телефон в его руке.

– Переверни его, чудо! – рявкнула я. – Держишь экраном вниз...

– Ой, точно, – умилился Лихо и рявкнул в сотовый: – Дружище! Да, я... Да, пьяный! Зачем звоню... Ты ещё хочешь поглазеть на голую русалку? Тогда собирай наших и бегом в Центральный парк!

– Ну ты и чудовище, – иронично хмыкнула я, убирая ладонь с лица невезучего свидетеля. – Ты бы предупредил их о возрасте русалки, а то мне только работы прибавится. Неоплачиваемой, между прочим...

Немолодой мужчина сидел с прямой спиной, а его глаза были пусты, словно у младенца. Я удовлетворённо кивнула: через пару минут придёт в себя. И будет ему счастье, если он не встретится больше с бешеной старухой.

– Тогда мы лишимся помощи, – пожал плечами полицейский. – А сами будем её до утра ловить. И количество работы у тебя и в том и в другом случае будет одинаковым.

– Уговорил, противный, – буркнула я, протягивая ему руку. – Помоги подняться, а то у меня всё тело болит после того, как на меня свалилось Лихо...

Степан ухмыльнулся и легко поднял меня с земли, но сам при этом пьяно покачнулся и едва не упал на пострадавшего. Я обхватила его за талию:

– Тихо! А то всю мою ворожбу испортишь! – Мимо пронёсся серый вихрь, и я невольно вскрикнула: – Вукула!

Но волчара, не оглядываясь, умчался в темноту. Следом за волколаком выбежала Забава. Глаза её азартно сверкали, светлые волосы развевались, а грудь вздымалась от рваного дыхания. Степан замер на месте, и глаза его восхищённо расширились:

– Богиня!

Забава бросилась ко мне, пальцы её нетерпеливо вцепились в мой ворот. Русалка встряхнула меня так легко, словно это я была в два раза меньше её.

– Где она?!

Я молча указала в сторону, куда унеслась старуха, а следом метнулся волк. Забава бросилась туда же. Я кинулась за ней.

– Что здесь делает Вукула? – закричала я.

– Я его попросила! – с придыханием ответила Забава. Она небрежно отмахивалась от веток, которые затем хлестали меня. – По следу мы найдём её быстрее...

– Логично, – проворчала я. И снова прокричала: – Много пострадавших? Я видела только одного.

– Потом, – отмахнулась она. – Кажется, я их вижу!

Я пригляделась и тоже заметила белесое пятно, квашнёй висящее на дереве, под которым скачет злощущий волчара. Вукула бросался на стол, но падал и лишь злобно щёлкал челюстями. Забава бросилась вперёд так, словно у неё открылось второе дыхание:

– Мама!

Женщина замерла, и глаза её безумно выпучились, а по парку разнёсся её безумный хохот. Забава легко, словно по земле, взбежала по столу дерева и заключила обнажённую старуху в объятия.

– Мара, я держу её! – крикнула она. – Действуй!

Я разбежалась, а Вукула пригнул голову. Я вскочила волколаку на загривок, и он подкинул меня. Руки мои вцепились в ветку над старухой. Забава умудрялась удерживать на месте сумасшедшую толстуху. Не теряя времени, я разжала пальцы и плюхнулась на престарелую русалку. Ладонь моя легла ей на лицо, скрывая чудовищные глаза, и воспоминания заструились по моему запястью. Объёмное тело обмякло, и мы втроём свалились с дерева. Подо мной раздался тонкий скулёж придавленного волколака.

Я спихнула с груди толстую ляжку, с содроганием отведя глаза от самого сокровенного, отползла к стволу и прислонилась, шершавая кора неприятно пощекотала шею. Рядом привалилась Забава. Она откинула с красного лица мокрые волосы и пробормотала:

– Мара, обещай мне! – Я повернулась к ней, отмечая невероятно мрачное выражение хорошенького личика. – Если я стану такой... убей меня!

Я истерически расхохоталась:

– Обратись с этим вопросом к Генриху! Это ему жажда крови вытягивает жилы! Я не по этой части, извини...

– Спасибо за совет, – серьёзно ответила Забава, а я лишь пожала плечами.

Из темноты возник Лихо, взгляд его остановился на белой туше, и он отскочил сразу на несколько шагов:

– Что это?!

Я усмехнулась, а Забава резво подскочила и принялась спешно стаскивать с себя колготки. Степан заинтересованно подошёл ближе, но русалка принялась стягивать ими руки и ноги бесчувственной матери. Волколак, наконец, выбрался из-под туши и недовольно встряхнулся. Я протянула к нему руку, и звериная ипостась Вукулы поднырнула под мою ладонь. Я нежно потрепала его жёсткую шерсть.

– Спасибо, – прошептала я.

Волчья морда приблизилась, и щеки моей коснулось его горячее дыхание. Вукула скосил на меня блестящий глаз и метнулся в кусты. С противоположной стороны к нам уже подбегали двое мужчин в полицейской форме. При виде огромной старухи они испуганно замерли.

– Хотели посмотреть на голую русалку? – широко ухмыльнулся Лихо и указал на тушу: – Любуйтесь!

– Куда её? – оторопело спросил один из них. – В КПЗ?

– Она же больна! – вскрикнула Забава, пытаясь прикрыть мать своим телом. – И справка есть!

Я махнула рукой, – пусть разбираются сами! – и медленно поднялась. Пошатываясь, направилась следом за Вукулой. В ипостаси зверя он не такой разумный. Может, сердце его растает, и мы выбросим из головы все эти глупости о свадьбе?

Я приложила к гудящему лбу мокрое полотенце, а глаза мои болезненно сощурились от яркого офисного света. Ноги гудели после долгой гонки за волколаком, а руки ныли от беспрестанного применения ворожбы. Вукула словно играл со мной, таская по кустам. И я постоянно натыкалась на впечатлительных граждан, которым «посчастливилось» встретить русалку. Сколько чудиков болтается по ночам! В итоге волколак просто исчез, а я отползла в офис, где, сидя на стуле, забылась тревожным сном. В видении я бегала за волком, глаза которого смотрели на меня взглядом безумной русалки, и раздавался её гомерический хохот...

Я вздрогнула и перевернула полотенце. В кабинет влетела довольная жизнью русалка. В руках её дымилась чашка.

– Твой кофе, – весело воскликнула она.

Я невольно поморщилась:

– Лучше яду! Чтоб не мучилась... Сколько там на твоих золотых?

Забава подмигнула, а чашка оказалась у меня под носом. И я с неожиданным удовольствием вдохнула аромат. Русалка присела на край стола и мечтательно вздохнула:

– Всего лишь три ночи! Я и Генриху кофе отнесла... Представляешь, он спит в своём кабинете прямо на полу! Я даже застала его без рубашки... Видела бы ты, какая у него красивая спина! А на пояснице такие милые ямочки...

Я недовольно покосилась на улыбающуюся русалку.

– Как мама? – резко перебила я.

Забава безразлично пожала плечами, и лицо её на миг омрачилось. Но она снова улыбнулась, и глаза её засверкали.

– Знаешь, я рассказала Генриху о нашей проблеме, – проворковала она, а мои пальцы нервно сомкнулись на горячей чашке. – И он предложил помощь!

– Что?! – брови мои поползли вверх, а чашка дрогнула в руках. Я едва не пролила на себя горячий кофе. – Предложил... помочь?!

Забава кивнула, и губы её снова расплылись в улыбке.

– Он сначала рассмеялся, что-то проговорил о глупой воровке... я не поняла. А потом сказал, что может помочь. Но у него условие. Пойдём?

Я опешила:

– Куда?

Забава нетерпеливо потянула меня за локоть.

– К Генриху, разумеется! – непререкаемым тоном заявила она.

Я решительно поставила чашку на стол и стряхнула её руку.

– Да ни за что! – вскрикнула я. – Я ещё жить хочу. Знаешь, что он мне сказал? Что он спит и видит, как сломать мне шею!

Забава уронила руки.

– Так ты ходила к нему? – несчастным голосом спросила она. – И... что? Каков он в постели? Расскажи!

В лицо мне бросилась краска, и я прорычала:

– Ты о чём?! Я хотела забрать тот шлем...

– Глупая воровка, – хмыкнул мужской голос, и я подскочила на месте. Инститор привалился к косяку. Хвала Тьме, он нацепил футболку. Губы его скривились, а взгляд изумрудных глаз буравил меня. – Почему сразу не сказала, что тебе нужно? И зачем воровать, когда можно договориться? Ты ведь даже не знаешь, как пользоваться шлемом. Неужели ты думала, что это вот так просто?

– А разве нет? – вызывающе уточнила я, но в ушах моих зашумело от его высокомерия. Генрих иронично усмехнулся и возвёл глаза к потолку:

– Интересно, все ведьмы такие тупые, или мне так повезло? Если бы всё было настолько просто, тогда зачем мне надо было учиться шесть лет и проходить через архисложное испытание?

Он покачал головой. И тут губ моих коснулась язвительная усмешка.

– Но... Если вы всё поняли, – сладко проговорила я, – не хотите ли извиниться?

Генрих сложил руки на груди и выразительно приподнял бровь.

– Ты о чём?

– Было бы правильно принести мне извинения, – мило добавила я, – за ваши необоснованные подозрения...

– Не хватало ещё унижаться перед ведьмой! – цинично фыркнул охотник. – Даже если ты вечером пришла ко мне только за шлемом, это не значит, что не пришла бы ночью за сексом.

У Забавы отвисла челюсть, а глаза расширились. Она буравила меня укоризненным взглядом. Я же едва не задохнулась от возмущения, вскочила и направилась к наглецу. Кулаки мои сжались, когда я посмотрела в его надменное лицо.

– Да будь вы последним мужчиной в мире, – прошипела я, – у меня бы не возникло желания заняться с вами сексом!

Лицо его скривилось в усмешке, а глаза свернули.

– А! Кажется, я понимаю, – холодно проговорил он. – Ведь на меня твоя ворожба не действует! Ты любишь играть с мужчинами, а с таким, как я, это невозможно. – Он подмигнул: – Не заставишь забыть ни об одном событии.

Я замерла, и сердце моё облилось кровью.

– Подслушивал? – ахнула я, и замахнулась, чтобы отвесить наглецу пощёчину.

Генрих легко поймал мою руку, и его пальцы сомкнулись на запястье. Он дёрнул меня на себя и жёстко проговорил:

– Вы с волколаком кричали так, что, заткни я уши, всё равно не смог бы остаться в неведении. Тебе нужна моя помощь или нет?

– Нужна! – яростно крикнула я, не отрывая ненавидящего взгляда от его изумрудных глаз.

– Гонорар пополам, – прошипел он, сжимая моё запястье так, что я скрипнула зубами от боли.

Я помотала головой, злость помогала сдерживать рвущиеся слёзы обиды и боли.

– Мне нужна двадцатка, – сквозь зубы проговорила я. – И чем быстрее, тем лучше! Так что я смогу заплатить лишь десять...

Генрих притянул меня так близко, что наши носы едва не соприкасались.

– Будешь мне должна услугу, – с усмешкой проговорил он.

– Это какую? – воскликнули мы с Забавой одновременно: я подозрительно, а русалка встревоженно.

Инстититор оттолкнул меня:

– Узнаешь после. Идём!

Я скривилась, потирая свежие синяки на запястье.

– Куда?

– К ведьме, – буркнул охотник и стремительно вышел.

– Так ночь же...

Я перевела растерянный взгляд на Забаву, а русалка вцепилась мне в пострадавшую руку так, что я едва не вскрикнула.

– Мара, отдай его мне, – взмолилась она.

– С радостью, – прорычала я, высвобождая руку из её цепких пальчиков. – Ещё и приплачу! Если деньги получу...

Из-за распахнутой двери в кабинете инститора доносилась возня. Я услышала грохот, сдавленную ругань и усмехнулась. Русалка посмотрела на меня исподлобья, и я спешно отвернулась, прижимая трубку к уху, – длинные гудки не радовали.

– Не отвечает, – недовольно буркнула я, опуская руку с сотовым. – Придётся идти за Лежкой...

– Зачем? – спросил Генрих.

Охотник поправил на плече огромную сумку, и я усмехнулась:

– А затем, мистер улитка, что я понятия не имею, где эта ведьма живёт. – Я многозначительно кивнула на багаж: – Зачем весь багаж, если нужен лишь шлем? Не переживайте так, я же иду с вами, а значит, выкрасть ничего не смогу...

Генрих одарил меня тяжёлым взглядом, от которого по коже моей побежали мурашки:

– Никогда не знаешь, что потребуется, чтобы избавить мир от ведьмы!

Я сглотнула.

– Эх вас, – проворчала я, – плющит-то от желания кого-нибудь умертвить! Между прочим, нам просто нужно уничтожить компромат на клиента, а не избавлять мир от ведьм!

Инститор надменно отвернулся, и к нему подскочила Забава. Глаза русалки сверкали, а пальчики её легли на его окаменевшее от напряжения плечо.

– Какой ты сильный и мужественный! – с придыханием проворковала она. – Уверена, что ты и меня сможешь поднять и даже не запыхаешься...

Генрих внимательно осматрел русалку сверху вниз, и щёки Забавы порозовели от удовольствия. Она выставила стройную ножку вперёд, чтобы охотнику было приятнее на неё любоваться.

– Привыкла, что тебя носят на руках? – От его нехорошей улыбки по шее моей поползли мурашки, и я дёрнула Забаву за руку, но та лишь отмахнулась, не отрывая от охотника обожающего взгляда. Глаза Генриха сощурились, а низкий голос зазвучал вкрадчиво: – Если тебе ноги всё равно не нужны, я смогу тебе их повыдергать... И будь уверена, совершенно при этом не запыхаюсь!

Щёки Забавы побелели, и она отдёрнула руку от плеча инститора. Я покачала головой и вышла из офиса. Позади послышался грохот от сумки инститора, которая колотилась о стены коридора, и раздражённое ворчание Забавы, запирающей двери.

Судя по дыханию Генриха, тот не отставал от меня ни на шаг, и я побежала вниз по лестнице ещё быстрее. Хлопнула дверь, и я вдохнула свежий воздух, а взгляд мой устремился в светлеющее небо.

– Скоро рассвет, – пробормотала я.

– Поспеши, ведьма, – проворчал Генрих, и его сумка словно случайно задела мне плечо. – Не хочу находиться рядом без особой нужды.

Я недовольно потёрла руку.

– У меня вообще-то имя есть, – буркнула я. И громко произнесла: – Ма-ра! Очень легко запомнить. И это вы предложили объединить силы, так что потерпите, мистер улитка!

Лицо Генриха превратилось в холодную маску.

– Я не предлагал ничего объединять, – рявкнул он, нависая надо мной. – Я предложил свою помощь в обмен на деньги и услугу.

– И что это значит? – нахмурилась я.

– Покажи мне ведьму и не мешайся под ногами!

От его жёсткого взгляда я невольно отшатнулась. Из подъезда выскочила Забава. Русалка широко улыбнулась и подхватила инститора под локоть.

– Ну, идём жечь ведьму! – весело проворковала она.

Генрих выразительно посмотрел на её ладонь.

– Тебе и руки не нужны?

Улыбка растаяла на лице Забавы, и она отдернула руку так спешно, словно обожглась. Я невесело усмехнулась:

– Повежливее с дамой, гроза ведьм и русалок! Вообще-то, это её офис...

Генрих не ответил, и я пошагала по пустой улице. Ветерок приятно охлаждал мои щёки, а гудящие ноги отзывались на каждый шаг. Будь проклят Вукула с его пробежкой! Я вздохнула и покосилась на луну. Всё же он вернулся! Не сумел вычеркнуть меня из жизни. А значит, не всё ещё потеряно. Уж я постараюсь вернуть любовь волколака. При воспоминании о его потрясающих глазах, моих губ коснулась мечтательная улыбка. Мы обожали бродить по ночам, а под утро занимались безудержным сексом. В постели мой любимый просто зверь! Кулаки мои сжались, а зубы скрипнули. Нет уж! И не мечтай Вукула, я тебя так просто не отпущу!

– Мара, – окликнула меня Забава, и я оглянулась. Русалка стояла у поворота, который я, задумавшись, проскочила. – Далеко собралась?

Я покосилась на непроницаемое лицо Генриха и приподняла брови:

– А! Сегодня он в этой забегаловке? Я и забыла...

И подошла к двери, украшенной яркими картинками полуголых девиц и неоновыми огнями, у которой сонно топтался плюгавенький человечек с гадкой полуулыбкой. Нос Забавы потешно дёрнулся.

– О! – прошептала она, и её глаза наполнились восхищением при взгляде на невзрачного с виду зазывалу. – Гелиофоб... Давно ты здесь работаешь?

Тот склонился перед русалкой в пояском поклоне, и его тонкая белая рука ухватила её пальчики, а губы легко прикоснулись к тыльной стороне её ладони. Он заискивающе посмотрел на Забаву снизу вверх:

– К вашим услугам, о прекраснейшая! Вы – совершеннейшее существо, которое я сегодня встретил!

Щёки Забавы порозовели, а взгляд влажно засверкал.

– Твоя правда, – с удовольствием ответила она. – Как приятно встретить знатока истинной красоты!

Генрих, которому надоело топтаться на пороге, слегка пихнул русалку сумкой, и Забава с криком влетели в двери забегаловки. Охотник покосился на зазывалу:

– Не смей прикасаться ко мне!

Тот подобострастно склонился ещё ниже, чем перед Забавой:

– Что вы, господин охотник! И мысли не возникло...

Мы прошли в кабак, и взгляд мой нашарил русалку. Забава восседала на коленях какого-то парня, а везунчик возвёл глаза к потолку.

– Не знаю, за что, но спасибо! – проорал он.

Я усмехнулась: надеюсь, приземление русалки было мягким. Хотя бы сначала. И спешно оглядела зал в поисках Лежика. На маленькой сцене вокруг блестящего столба тряслась полуголая девица, на барной стойке крутилась ещё одна, и её трусики бугрились от множества купюр. Жуткая попса рвала барабанные перепонки, а в нос ударил острый запах алкоголя.

Генрих решительно направился к стойке бара, рядом с которой я разглядела стайку хохочущих девиц. Охотник сунул руку в самую гущу и за шкуру вытащил Лежика. Я скользнула беспокойным взглядом по лицу брата, испачканному губной помадой. Вид у инкуба был помятым, взгляд осоловелым, но улыбка абсолютно счастливой... Он послал девицам воздушный поцелуй:

– Сп-пасибо!

Ответом ему было дружное хихиканье. Я бросилась к брату, но запнулась и полетела в объятия какого-то здоровенного толстяка. Раздался громогласный хохот, и его лапищи приподняли меня под полом.

– Суперприз! – зарычал он.

Зал закружился перед моими глазами, и я ощутила под ногами опору. Я выпрямилась и с ужасом поняла, что стою на сцене. Полуголая девица с улыбкой суккуба изгибалась перед моими глазами, а вокруг раздавались крики:

– Раздевайся! Давай, детка! Не стесняйся!

Я остолбенела, а в лицо бросилась краска. Девица подскочила и прошептала:

– Я помогу тебе расслабиться, подруга! И неожиданно впилась в мой рот страстным поцелуем. Я гадливо оттолкнула её, и стриптизёрша полетела со сцены, лицо её удивлённо вытянулось, а глаза расширились.

– Ах ты, ведьма! – вскрикнула она и тут же вскочила.

Я хмыкнула:

– Ну, ведьма...

Ярко накрашенные губы её скривились, а руки вцепились в тонкую бечёвку. Стриптизёрша дёрнула за неё, и занавеси за сценой, зашуршали. Ноги мои приросли к полу, а кожа на голове стянулась от ужаса. Множество взглядов впились в меня из многочисленных зеркал, окружающих сценку.

– Покажи хорошее представление, ведьма! – презрительно выплюнула стриптизёрша. – А мы рассмотрим тебя со всех сторон!

И она бросила в меня что-то, послышался звон, и в нос мой ударил терпкий аромат. Но я не отрывала зачарованного взгляда от сверкающей поверхности, но не видела своего отражения. Только не это! Даже одно зеркало способно свести меня с ума. Перед глазами уже поплыл туман, а из блестящих рам выходили чужие воспоминания. Образы вырывались из-под контроля моей ворожбы и закружились по сцене.

Я закричала, пытаясь закрыть глаза ладонями, но было поздно: чужие мысли и желания, выпущенные отражающими поверхностями, уже вырвались на свободу. Первой жертвой стала как раз та стриптизёрша-суккуб, которая требовала зрелищ. Глаза её стали огромными, и из груди вырвался жуткий хохот сумасшедшей русалки, воспоминания которой были последними из пленённых мной.

Она стащила последнее, что на ней было, и натянула трусы на голову неведучему мужику, который сидел рядом. А высыпавшиеся деньги запихала ему в рот. Глаза посетителя почти вылезли из орбит, и он пытался вырваться из хватки обезумевшей стриптизёрши, как его головы тоже коснулось одно из призрачных воспоминаний.

Мужик замер на миг, и кадык его дёрнулся, а в глазах мелькнул звериный отблеск. Он сжал стриптизёршу в объятиях и, проглотив деньги, прохрипел:

– Выходи за меня!

Я бессильно застонала, прижимая руки к ушам, но всё равно слышала в голосе незнакомца интонации Вукулы. Стриптизёрша захохотала так, что по коже моей пробежался морозец.

– Согласна! – крикнула она и вскочила тому на голову, обводя сумасшедшим взглядом зал, она закричала: – Свадьба! Сейчас будет свадьба! А мы скрепим брак кровью!

Стриптизёрша впилась зубами в ухо мужику, а я бессильно застонала. Перед глазами мелькнуло белое лицо Забавы, и я зло расхохоталась:

– Видимо, это у вас семейное – метить женихов! Хватай своего охотника и убирайтесь подобру-поздорову!

Тело моё заколотилось, словно в лихорадке, а обрадованные воспоминания заструились через зеркала, впиваясь в людей. Завязалась драка, поскольку несчастной стриптизёрше посыпались и другие предложения, а она не успевала покусать всех страждущих.

– Нет! – Услышала я отчаянный крик брата: – Мара!

– Чёрт, Лежка! – слабо простонала я, не в силах больше сопротивляться: – Беги, идиот! Спасайся...

Рядом с братом возник мрачный Генрих, и его изумрудные глаза сузились, а губы зашевелились, но слов я не расслышала. Пленённые воспоминания бросались на людей, которые находились у самой сцены, и несчастные вопили и корчились так, что у меня кровь стыла в жилах.

– Зеркала! – отчаянно кричал Лежка. – Разбей зеркала! Спаси мою сестру!

Я умоляюще сложила руки: да беги же ты! По щекам покатались слёзы. Будь проклята ревнивая стриптизёрша! Если выживу, я специально навещу её и устрою личный апокалипсис на всю ночь!

Раздался звон, и я с трудом повернулась в сторону звука. Шеи своей я почти не ощущала. С одной стороны, мне повезло, что воспоминания не нападают на саму ведьму, но они обессиливают меня так, что очень легко откинуть копыта.

Инстититор вдруг появился перед моими глазами, и я с ужасом смотрела, как на него бросились призраки чужих воспоминаний. Но Генрих поднырнул под белесые руки, словно уходя от удара, и перепрыгнул через меня, размахивая невесть откуда взявшимся мечом. Раздался звон стекла, и несколько привидений рассыпалось в туманные клочья.

Я ощутила сильный тычок в спину и полетела на барахтающиеся рядом со сценой тела. Лицом я угодила в титьки стриптизёрши, которую мужики тянули каждый в свою сторону. Глаза той уже закатились, а окрашенный чужой кровью рот кривила сумасшедшая гримаса. Вокруг нас падали сверкающие осколки, и звон не умолкал ни на секунду.

Крики стихали, посетители либо успели покинуть заведение, либо их покидал разум, и несчастные замирали на полу. Оставшиеся привидения рассыпались на глазах. Передо мной появилась бледная Забава, подруга подхватила меня под руки, помогая подняться с дёргающей в смертельной агонии стриптизёрши.

Я покачулась, вцепившись в потные плечи Забавы, а взгляд мой поднялся на Генриха. В свете прожекторов мрачная фигура охотника с мечом в одной руке словно светилась. Грудь его вздымалась, а острый взгляд царапал трупы под моими ногами. Я опустила взгляд на бездыханное тело голой девушки-суккуба и сплюнула:

– Как тебе представление? – прошипела я. – Надеюсь, ты хорошо всё рассмотрела... перед смертью, тварь!

На меня налетел Лежик, и я застонала в его объятиях.

– Мара, – рыдал он. – Ты жива! Прости, это я виноват...

– В чём? – слабо прохрипела я, практически повиснув на брате. – Не ты ж раскрыл зеркала...

Лежка всхлипнул, утирая рукавом мокрые щёки:

– Это я рассказал Лиде о твоей спектрофобии. Прости!

Я сглотнула, и взгляд мой скользнул по неподвижному телу.

– Так она что, – проскрипела я, – энтукку?! А я решила, что она – суккуб!

– Дилетантка! – насмешливо фыркнул Генрих, спрыгивая со сцены. – Как выжила до сих пор с такими мозгами? Энтукку накормила, надеюсь, теперь делом займёшься!

И направился напрямик по телам к своей раскрытой на столике сумке. Я уважительно покачала головой: пригодилась поклажа! Но при мысли, что институтор, возможно, спас мне жизнь, зубы мои скрипнули от злости. С одной стороны, энтукку выжрала бы меня полно-

стью... Теперь понятна стала странная слабость, которая сковала меня... Но ведь и сама она сдохла от чужих воспоминаний, которые освободили её треклятые зеркала!

Я подняла глаза на брата и невесело усмехнулась:

– Это ты меня прости, Лежка! Похоже, тебе опять придётся менять работу...

Лежик пожал плечами и философски заметил:

– Не последний ночной клуб в городе.

Русалка, на которую я опиралась, вдруг задрожала, и мы рухнули на пол.

– Забава, – я вцепилась в её топ и потрясла, голова русалки безвольно покачнулась, а глаза закатились. – Что с тобой?

Инстититор шагнул к нам, взгляд его брезгливо скользнул по бесчувственному телу Забавы.

– Что ещё? – недовольно спросил он.

Я бросила на охотника злой взгляд:

– Кажется, её зацепило чьим-то воспоминанием!

– Поднимайся, ведьма, – приказал Генрих. – Нам пора!

– Я не могу оставить её так! – вскричала я. – Забава пострадала из-за меня...

Инстититор сжал зубы так, что по щекам скользнули желваки. Сумка тяжело плюхнулась на пол, а Генрих опустился на корточки и заглянул мне в глаза:

– Утром придёт твой заказчик, – прошипел он. – И что ты ему ответишь? Что всю ночь провела у кровати любимой русалки?

Лежка потянул меня за руку:

– Мара, я позабочусь о ней, – уверенно проговорил он. – Иди.

– Но, – я оглянулась на брата, – я не знаю, где живёт ведьма...

– Я знаю, – сухо оборвал меня Генрих. Он нетерпеливо потянул меня за волосы: – Поднимайся!

Я вцепилась в его ладонь, пытаюсь освободить волосы, и прошипела:

– Жаль, что ты увернулся от тех воспоминаний!

Инстититор вдруг расхохотался:

– Наконец ты перестала мне «выкаты», ведьма!

Я ощутила, как его пальцы разжались, и упала на колени, а Генрих подхватил сумку и, не оборачиваясь, пошагал к выходу. Перед нами возник маленький человечек, он внимательно посмотрел в пупок Лежику, словно у карлика, как и у свиньи, негнулась шея.

– Прошу вас покинуть заведение, – сухо проговорил он. – Сейчас приедут уборщики. И впредь попрошу запомнить, что вы никогда не будете моими желанными гостями!

Брат мой похлопал уродливого гнома по плечу:

– Зато я всегда желанный гость в твоём доме. В твоё отсутствие, разумеется! Привет жене!

Он перекинул Забаву через плечо, а другой рукой подхватил мой локоть, и мы побрели вслед за институтором. А в след нам неслись изысканные гномьи ругательства.

Глава 3. Дубовая роща

Небо заметно посветлело, и сердце моё наполнилось тем самым предвкушением, которое всегда бывает перед новым днём, на который намечено много важных и сложных дел. Только вот сил не осталось ни на дела, ни на серьёзность... да и на сам день, казалось, нет ни энергии, ни желания.

Я нехотя плелась за Генрихом, стараясь не упустить из виду его объёмную сумку. Инститор ни разу не оглянулся с того момента, как мы вывалились из бара вредного гнома. Мне до сих пор плохо при мысли, что пришлось оставить там брата и Забаву. Русалка была в ужасном состоянии, и я её понимала: увидеть, как воспоминания сумасшедшей матери убили другого человека...

Ну, насчёт человека, я погорячилась. Губы мои расплылись в усмешке, а на душе стало тепло и комфортно при воспоминании о последних минутах жизни энтукку. Ненавижу этих тварей! На вспышку радостной злости ушли последние силы.

Ноги мои заплелись, и я едва не рухнула на грязную мостовую. Я схватилась за столб, а взгляд мой скользнул по удаляющейся фигуре охотника. Я зарычала от беспомощности. Всё! Спеклась ведьма! Удивительно, что смогла пройти хоть пару кварталов после того, что со мной приключилось. В последний раз, когда мне не повезло посмотреться в зеркало, я отлёживалась три дня... А Вукула, который сдуру его мне подарил, скулил под моей кроватью все трое суток, вымаливая прощение у своих волчьих богов.

Не в силах устоять на ногах, я опустила на четвереньки, и взгляд мой метнулся в сторону мусорных баков, а в голове промелькнула сумасшедшая мысль. Может, пусть институтор сам с ведьмой разбирается? Зачем я ему? Толку от меня сейчас... Вообще непонятно, зачем он потащил меня с собой. Отсижусь-ка я здесь! Может, охотник и не заметит, что я исчезла?

Я осторожно покосилась в сторону, куда ушёл Генрих, и, не увидев его раскачивающейся на спине сумки, как и самой спины, поползла на четвереньках к металлическим ящикам. Голова моя уткнулась во что-то, и я с трудом подняла голову. Надо мной нависал институтор, и взгляд его выразительно метнулся к мусорным бакам, до которых оставался всего шаг.

– Что ведьма, – саркастично поинтересовался он. – Решила пополнить запас ингредиентов? – Он легко поднял меня за шкуру, словно нашкодившую кошку, и заглянул в глаза: – Тебе не кажется, что момент не очень подходящий?

– Не кажется, – зло буркнула я и тут же жалостливо протянула: – Слушай, гроза энтукку и русалок! Можно я тут тебя подожду? Хреновенько мне, да и с ведьмой ты лучше справишься... – Я решила попробовать любимое упражнение Забавы и просипела с фальшивой улыбкой: – Ты такой... большой и сильный... и умный... и вообще классный!

– Лстить ты, в отличие от твоей русалки, совершенно не умеешь! – Инститор встряхнул меня так, что у меня лязгнули зубы, и заставил встать на ноги.

Чёрт! Не прокатило. Тогда я покачнулась, и, театрально закатив глаза, осела на землю. Генрих снова схватил меня за шиворот и привёл в вертикальное положение:

– Если будешь притворяться умирающей, – строго проговорил он, – то мне придётся посмотреть, что на такой случай есть в моей волшебной сумочке!

Я вздрогнула и отшатнулась от злого охотника. Он усмехнулся:

– Возьми себя в руки, ведьма! Клянусь, что после работы я закину тебя в самую большую мусорную кучу! И наслаждайся там хоть до вечера!

– Угрожаешь? – содрогнулась я. Зубы мои скрипнули, и я неохотно проговорила: – Ну честно! Я не филоню... Чувствую себя так, словно в центрифуге побывала! Если тебе так припичило показать ведьме мою шкуру, то придётся помочь мне до неё доползти. Сама я не в состоянии...

Генрих несколько секунд буравил меня недоверчивым взглядом, а потом его грудь расширилась, и я услышала длинный выдох. Он схватил мою руку с таким видом, словно взялся за раскалённую сковороду, и положил на ляжку своей сумки.

– Держись здесь и не смей касаться меня, поняла? – сквозь зубы проговорил он, и я скривилась: – Впервые вижу такую хлипкую ведьму!

Он двинулся по улице, и я обеими руками вцепилась в его сумку, чтобы не упасть.

– Посмотрела бы я на тебя, – зло прошипела я, – после бутылки коньяка, гонки за безумной старухой и пыткой собственной воровской! Знаешь, до твоего появления жилось мне гораздо лучше...

– А то и видно, – фыркнул Генрих. – Видимо, от такой хорошей жизни ты и начала искать компаньона!

Я старательно передвигала ноги, но всё равно не поспевала за охотником. Когда я очередной раз повисла на его сумке, Генрих всё-таки замедлил шаг. Я покосилась на инстинктора и с опаской спросила:

– Ты сказал, что впервые видишь такую хлипкую ведьму...

– Угу, – мрачно буркнул он, не достаивая меня взглядом. – И что?

– Много ты?..

Я поперхнулась концом фразы, и нога моя подвернулась, а Генрих матюгнулся, вновь за шиворот возвращая меня в вертикальное положение.

– Что? – зло проговорил он: – Много я убил? Сжёл? Расчленил? Что конкретно тебя интересует, ведьма?

Я замолчала: сердце моё дрогнуло, а во рту внезапно пересохло. Нет, я точно сделаю для него то зелье, даже если придётся весь день искать ингредиенты! Найти бы только рецепт... Я усмехнулась, вспомнив его угрозу бросить меня на помойке: как в воду глядел, напоминая об ингредиентах! Пусть отравится, посинеет, покроется язвами! Садюга!

Генрих покосился на меня, и лицо его расплылось в довольной усмешке, а я скрипнула зубами. Читает меня, как открытую книгу, и рад небось, что довёл до белого каления!

– Как же ты ведьм любишь! – прошипела я. – Что? Не говори только, что тебя ведьма продинамила в юности! Прямо не знаю, что ещё такого можно сделать, чтобы вызвать такую ненависть!

– Это несложно, – тихо проговорил Генрих, а взгляд его скользнул по тёмному двухэтажному домишку, который притулился между высотками. – Например, оставить его сиротой... Смотри, вон тот дом, про который рассказывал твой брат-инкуб!

Сердце моё ёкнуло, а взгляд метнулся на его сосредоточенный профиль.

– То есть, – несчастным голосом проговорила я. – Пока я там, на сцене, загибалась, вы с братом мило обменивались явками и паролями?!

Генрих, осторожно опустив сумку с плеча, пробормотал:

– По тебе не было понятно, выгибаешься ты или загибаешься... Вообще, было похоже на то, что ты решила показать мастер-класс стриптизёрше.

– Что?! – задохнулась я. – В нашем офисе только одна эксгибиционистка! Но даже Забава не будет раздеваться за деньги!

– Она делает это из любви к искусству? – фыркнул Генрих и сурово добавил: – А теперь сосредоточься. У нас работа, и деньги нам платят не за стриптиз!

– Чёрт, да зачем я тебе? – снова возмутилась я, боясь отпустить его сумку, чтобы попросту не свалиться на асфальт. – Тебе не кажется, что я тебе только мешаю?

Генрих двинулся к двери, бормоча:

– Помнится, у меня есть хороший кляп. Если ведьма не заткнётся, то придётся на практике проверить его эффективность...

Тело моё задрожало, в горле встал комок, а взгляд судорожно скользнул по тёмному дому. Мне трудно было признаться и самой себе, что я до чёртиков боюсь встречаться с этой ведьмой. До сих пор ни одна встреча с себе подобными не приносила ничего хорошего. И я согласна на помойку, кляп и что угодно, лишь бы не входить туда... Ноги мои стали ватными, и я обеими руками вцепилась в сумку Генриха. А в голове билась одна мысль. Ох, неспроста инститор так упорно тащит меня в дом!

Я осторожно вступила в полутёмную комнату и с ужасом посмотрела на Генриха. Пальцы инститора буквально порхали над разложенным прямо на широкой кровати раздвижным сооружением, к которому охотник торопливо привязывал руки сухонькой старушки. Раскрытая сумка валялась рядом, и я заметила там блестящий шлем.

Веки ведьмы подрагивали, седые волосёнки торчали во все стороны, и я вздрогнула, заметив кровоподтёк на её виске. Старушка вовсе не спала: инститор вырубил её одним ударом. Живот мой скрутило, а перед глазами всё поплыло. Зачем я взялась за эту работу?! Взгляд мой метнулся к выходу, но ноги не слушались, и я осела на пол, прямо перед сумкой Генриха.

– Поддай шлем, – сухо приказал он.

Руки мои дрожали, и шлем клацал железяками, когда я протягивала его инститору. Генрих не успел подхватить его, и жуткий чепчик с ляганьем закатился под кровать. Генрих одарил меня таким взглядом, что челюсть моя затряслась.

– Лезь! – рявкнул он. – Скорее, пока она не очнулась!

Я вздрогнула и распласталась на полу, а рука моя пошарила под кроватью. И тут перед глазами словно что-то сверкнуло, и я подняла взгляд. На дне кровати загорелось множество надписей, и сердце моё загрохотало. Я подхватила шлем и высунулась из-под покрывала.

– Я нашла! – радостно вскрикнула я и, отбросив шлем, вцепилась в требовательно протянутую руку инститора. – Здесь!

Генрих, не ожидая от меня такой прыткости, не устоял на ногах, колени его брякнулись о пол. Конструкция, которая удерживала ведьму, звякнула, и тело старушки неестественно изогнулось. Я испуганно отшатнулась и прижала руки ко рту:

– Что с ней?

– Ты с ней! – прорычал Генрих, вскакивая на ноги. Пальцы его побелели, пытаясь развести железные прутья. – Ты активировала пытку! Сколько раз говорить: не прикасайся ко мне!

Я испуганно перевела взгляд на старушку: лицо её побелело, а губы посинели. Спина моя похолодела, а руки вцепились в кровать. О, ужас! Я стала причиной боли для несчастной?

Генрих восстановил конструкцию, носком ноги подтянул шлем и подхватил его. Я снова бросилась к инститору, но тот посмотрел на меня так мрачно, что я тут же отскочила.

– Не мучай её, – я сложила руки, умоляя охотника. – Этого больше не нужно... Я знаю, где компромат!

Руки Генриха на миг застыли, и веки старушки распахнулись. По коже моей пробежался морозец от вида её выцветших глаз. Ведьма захохотала, не отрывая от меня жуткого взгляда:

– Ведьма и инститор! Снова?!

Я отпрянула, и под ногами загрохотали железки. Щиколотки мои запутались в сумке, и я свалилась на пол. Генрих бросил на меня многозначительный взгляд, а ведьма, воспользовавшись тем, что охотник отвлекся, вдруг извернулась, и белесый язык её подхватил нечто, висящее на её шее. Старушка раскусила это что-то, и по морщинистым губам её растеклись чёрные струйки.

– Генрих, она что-то проглотила! – крикнула я, невольно отползая в угол.

Инститор мгновенно развернулся к ведьме, и та плюнула ему в лицо. Генрих вздрогнул, но не зажмурился, а по щекам его медленно стекали чёрные капли зелья. Плечи мои затряслись, а лицо потеряло чувствительность.

– Это яд?! – испуганно вскрикнула я.

Взгляд старушки скользнул по мне, а чёрный рот её перекосялся.

– Лучше, чем яд! – захохотала она и повелительно крикнула Генриху: – Убей ведьму!

Инститор посмотрел на меня, и сердце моё ёкнуло. Руки Генриха опустились, и конструкция, удерживающая ведьму, вновь изменила форму. Вопль старушки, казалось, оглушил меня. Но я не могла отвести замороженного взгляда от пустых глаз околдованного институтора. Бежать было бесполезно, я понимала, что смерть всё равно нагонит меня.

Изумрудные глаза Генриха ничего не выражали, и я всё бы отдала, чтобы вернуть в них те ненависть и презрение, с которыми он раньше смотрел на меня. Всё лучше, чем холодная пустота, с которой он приближался. Крики ведьмы затихли, и тело старушки замерло. В жуткой тишине раздался треск костей, конструкция звякнула, что-то отлетело и врезалось в затылок институтору. Генрих, словно подкошенный, рухнул на пол. Меня вырвало, и я поспешно отвела взгляд от покачивающейся на полу головы ведьмы, стараясь не думать о кровавом следе, который тянулся от её шеи...

Генрих застонал, и я снова вжалась в угол. Руки институтора оперлись о дощатый пол, а тело покачнулось, охотник попытался подняться. Окровавленное лицо его повернулось ко мне, и я прошептала:

– Теперь ты убьёшь меня?

– Не сегодня, – фыркнул он, и я сглотнула, с облегчением отмечая саркастичное презрение во взгляде институтора.

Генрих потрогал свою шею, взгляд его опустился на окровавленные пальцы, а лицо скривилось.

– Видимо, смазки было недостаточно, – бесстрастно проговорил он.

– Зато крови море, – дрожа, прошипела я.

Взгляд его обратился ко мне:

– Ты говорила, что знаешь, где компромат. Лучше бы это было правдой, ведьма. Иначе, всё бесполезно! Голову обратно ей не прикрутишь.

Я поспешно посмотрела в потолок и, борясь с очередным приступом тошноты, пробурчала:

– Под кроватью. Там надписи... имена... наверняка, это оно.

Генрих резко склонился, и покрывало полетело в сторону, к моему облегчению прикрывая неподвижное обезглавленное тело. Генрих вынырнул из-под кровати и глухо прорычал:

– Ты решила пошутить, ведьма?

Я протестующе взмахнула рукой, а институтор поднялся на ноги, и взгляд его не обещал ничего хорошего. Я сглотнула: неужели мне показалось? Это ужасно! Как теперь быть? Я пробормотала:

– Я видела... но... Всё равно старуха мертва! Шантажа больше не будет...

– Глупая ведьма, – прошипел Генрих, а я вздрогнула и подняла на него глаза: – Шантажисты никогда не действуют в одиночку! Всегда есть кто-то для страховки. Всегда есть копии компромата!

Инститор подхватил шлем, а я начала злиться.

– Это не я оторвала ведьме голову! – вскрикнула я. – Не вали всё на меня. Я действительно видела надписи... Может, они светились, только когда она была жива?

Генрих замер.

– Так они светились? – заинтересовался он, и губы его скривились: – Что же ты сразу не сказала? Ну-ка, подойди!

Я покосилась на железный чепчик в его пальцах:

– Сначала убери это!

Инститор ухмыльнулся и шагнул ко мне:

– Никогда не слушается!

Я вжалась спиной в стену, а Генрих поднял меня за шкуру и, словно нашкодившего кота, одним рывком швырнул к кровати. Я зажмурилась, ожидая удара, но скользнула по полу и замерла. Осторожно приоткрыла глаза и зачарованно уставилась на синие светящиеся надписи. Сердце моё забилося сильнее, а пальцы заскользили по списку имён.

– Вот он! – вскрикнула я. – Имя клиента! Но... – я заскребла ногтями по дереву кровати: – Как же забрать компромат? Здесь только имена... А вдруг это просто список жертв? Только не это? Что же теперь...

– Эй, ведьма! – перебил Генрих, и я ощутила болезненный тычок в бок. – Диктуй.

– Ай! Можно повежливей? – возмутилась я и тут же поморщилась от очередного пинка.

– Диктуй, сказал! – рявкнул Генрих.

Я прошипела:

– Надеюсь, у того чёрного зелья ещё и побочки имеются... – Заметила, как вновь шевельнулась нога инститора, и быстро добавила: – Всё-всё, диктую! Итак, Агидиус...

Заспанный Степан ввалился в комнату, и я радостно вскочила.

– Наконец-то!

Но полицейский не обратил на меня внимания. Взгляд его скользнул по голове ведьмы на полу, по окровавленному одеялу и по мрачному лицу друга. Генрих молча протянул лист бумаги:

– Список жертв шантажа. Надписи обнаружила Мара на обратной стороне кровати. Их может видеть лишь ведьма.

Я невольно вздрогнула, услышав из уст Генриха своё имя. Кажется, он впервые его произнёс...

Лист бумаги зашуршал в пальцах полицейского, и я удостоилась тяжёлого взгляда Степана.

– Мара, ты видишь только имена?

Я усмехнулась:

– Понимаю тебя, Лихо! Но увы! Ни адресов, ни телефонов там нет!

Тот перевёл мрачный взгляд на инститора:

– Обязательно было убивать старушку?

Генрих мотнул головой в мою сторону:

– Эта постаралась!

Я задохнулась от возмущения:

– Что?! Не делай из меня монстра! Не я отгрызла старушке голову! Всё твои кровавые игрушки...

– Ты отвлекла, – прошипел Генрих, и кулаки его сжались. – Я просил не трогать меня!

– А я просила не тащить меня с собой! – вскрикнула я.

– Тихо! – рявкнул Степан, руки его легли на мои плечи. – Мара, ты белая, как полотно. Выйди подыши. А мы с Генрихом проведём обыск...

– Бесплезно, – хмыкнула я. – Лежка уже искал. Если бы тут что-то было, брат бы нашёл. А надписей он, скорее всего, просто не увидел, как и этот...

Я вернула Генриху пренебрежительный взгляд. Похожим он меня недавно наградил. Но охотник даже не посмотрел в мою сторону, так что все мои усилия облить презрением инститора провалились. Он шагнул к Степану, и палец его коснулся листа.

– Вот этот, – быстро проговорил он. – Остальных можешь допрашивать. Но этот – наш клиент.

Я снова невольно вздрогнула, а взгляд метнулся на инститора. «Наш»? Живот снова скрутило, и я выбралась в коридор. Едва расслышала тихий голос Степана:

– Мне этого не нужно. На моём участке...

– Тогда выходи, – ещё тише произнёс Генрих. – И эту забери.

Я зарычала: охотник ни во что меня не ставит! Кулаки мои сжались, и я шагнула было обратно, но Степан подхватил сумку инститора, а второй рукой сграбастал меня.

– Пусти, Лихо! – прошипела я. – Моё терпение кончилось!

Генрих медленно повернулся, и губы его скривились.

– Да, отпусти её! – почти нежно проговорил он и поманил меня: – Раз ведьме не терпится полюбоваться на синее пламя, я с удовольствием сделаю ей такой подарок!

Я отшатнулась, а в горле застрял крик ужаса. Степан снова подхватил меня за талию и нетерпеливо потащил к выходу. Расширившимися глазами я смотрела, как медленно поворачивается инститор, как в вытянутой руке его вспыхивает голубой огонёк, как живое пламя соскальзывает с пальцев Генриха и щупальцами призрачного спрута расползается по кровати, полу и в мою сторону. Кажется, я слышала женский визг перед тем, как отключиться...

Взгляд мой устремился вдаль. Туда, где за облаками спрятался тот, кто меня очень интересуется. И лишь неясная его тень его скользила впереди, а я изо всех сил стремилась его догнать. Я летела, кричала, просила остановиться. Было очень важно посмотреть ему в лицо. Было жизненно необходимо узнать его...

Я застонала и повернулась на бок, стремясь догнать тень ускользающего сновидения. Стремясь остановить воспоминание. Что-то важное. Что это?

– Мара... Как ты?

Я вздрогнула и распахнула глаза. Перед глазами маячило взволнованное лицо Степана. Я порывисто села на кровати, не отрывая подозрительного взгляда от полицейского.

– Что ты здесь делаешь? – взвизгнула я. Прокашлялась и добавила нормальным голосом: – Чего ты забыл у меня дома?

Степан хитро сощурился:

– Не помнишь ничего? Ну как? Выспалась?

Я сжала ладонями виски и нервно потёрла нос.

– Такой жутик приснился, – простонала я. – Как инститор сжёг ведьму легендарным синим пламенем. А я помогала ему...

– Не стоит называть свои действия помощью, – спокойно заметил Генрих. Я вскрикнула и изумлённо уставилась на охотника на ведьм. Тот прислонился к косяку и осторожно подул на свои почерневшие пальцы. Инститор потёр ладони и саркастично добавил: – У меня даже закралось подозрение, что ты нарочно мешала мне. Может, ты тоже в сговоре с шантажистами?

Я выбросила руку, указательный палец мой затрясся, тыкая в сторону инститора.

– Что?! Что он тут делает? – Я схватила Степана за ухо и подскочила с кровати: – Ты что?! Привёл охотника в мой дом? Ты спятил, Лихо?

– Ай-ай, – взвыл Степан, хватая мою руку. – Мара, отпусти! Ты отключилась, что мне было ещё делать? Бросить тебя там?

– Да, – прошипела я, приближаясь к лицу Степана. – Бросить меня там или на ближайшей свалке! Даже сжечь вместе со старухой! Что угодно, но не тащить этого, – я бросила ненавидящий взгляд на ухмыляющегося инститора, – в мой дом!

Генрих оттолкнулся от косяка и зашёл в мою спальню. Ухо полицейского выскользнуло из моих ослабевших пальцев. Степан поспешно отдалился от кровати и проворчал:

– Тащил я не его, а тебя! Вообще-то могла бы и спасибо сказать! До сих пор руки ломит...

Инститор с равнодушным видом прошёл мимо кровати и приблизился к окну. Взгляд его скользнул по небольшому садику под окнами, а пальцы коснулись безделушек, бережно разложенных мною на узком подоконнике.

– Мне даже интересно стало, что же здесь такого тайного, – холодно проговорил он, окидывая острым взглядом полупустую комнату. – Ведьма так всполошилась... Может, ты хранишь что-то запрещённое? – Я сглотнула, когда Генрих шагнул к единственной, кроме кровати, мебели в комнате. Пальцы его легли на ручку комода, раздался скрип выдвигаемого ящика. – Заколдованные книги или смертельные зелья? – Он вытащил из поясных ножен свой кинжал и подцепил из раскрытого ящика воздушное кружево белья: – Или твоя униформа?

Я пулей слетела с кровати и задвинула ящик с такой силой, что по боку старенького комода побежала трещина. Пальцы мои подхватили труселя, и я прошипела:

– Не смей совать свой нос в мои личные вещи!

Генрих приблизился к самому моему лицу, и изумрудные глаза его сузились:

– Я лишь возвращаю долг! Приятно, когда твои личные вещи трогают? В следующий раз, когда захочется проникнуть в мою комнату, вспомни об этом!

Степан произнёс, обращаясь к потолку:

– Неожиданно я ощутил себя лишним на этом празднике жизни. Генрих, прости, что отвлекаю! Но ты говорил, что хочешь показать Маре кое-что интересное...

Я смерила инстинктора ироничным взглядом, задержавшись на сверкающем лезвии, и брови мои приподнялись:

– Не думаю, Лихо, что у этого... есть что-то, что может показаться мне интересным!

Генрих резко выпрямился, и глаза его сверкнули. Он медленно убрал нож, и рука его скользнула в нагрудный карман.

– Поспорим? – высокомерно спросил он. – Вот всё, что осталось от старой ведьмы... кроме вставной челюсти, разумеется.

Жестом фокусника он выудил что-то маленькое и поднёс к самым моим глазам. В чёрных от сажи пальцах Генриха я разглядела потемневший ключ, и спина моя похолодела при виде знака дубового листа.

– Если волчара не ответит, сделаю ему скоростную эпиляцию! – прорычала я, в третий раз слушая длинные гудки.

– Волколак не ответит, – отозвался Генрих из кухни. – Во время вашего ночного разговора он ясно выразился, что не будет отвечать на твои звонки, ведьма.

Пальцы мои судорожно сжали сотовый, а взгляд метнулся в сторону двери. Степан, сидя на моей кровати, выразительно приподнял брови.

– Так вы с Вукулой снова вместе?

– Нет. – Услышала я спокойный голос Генриха. – Волколак отказался от должности любовника ведьмы.

Зубы мои скрипнули, и я бросилась к двери:

– Убью гада!

Но на пороге маленькой кухоньки я замерла, и трубка выпала из моих ослабевших от изумления пальцев, а взгляд растерянно скользнул по цветастому фартуку, который охотник нацепил себе на талию. Генрих осторожно помешивал булькающее в кастрюльке варево, и носа моего коснулся приятный аромат сладкого молока.

– Сначала поешь, – холодно произнёс инстинктор, не отрывая взгляда от каши. – В доме ведьмы тебя вырвало желчью, значит, ты давно не ела.

Я невольно отпрянула, случайно наступив на ногу полицейскому, который последовал за мной. Степан ругнулся, а я настороженно спросила:

– С чего вдруг такая забота? – И тут меня осенило: – Отравить меня решил?

Губы Генриха на миг растянулись в улыбке, но лицо его тут же приняло холодное выражение. Кажется, моя идея ему понравилась. Я с подозрением покосилась на тарелку, которую инстинктор наполнил до краёв.

– Тебе потребуются силы, ведьма, – высокомерно произнёс он, и кастрюлька гроыхнула в пустой раковине: – Во сколько сегодня придёт наш клиент?

– В три, – буркнула я, позволяя ему усадить себя на единственный табурет.

– Значит, стоит поторопиться, – произнёс Генрих, стискивая с себя фартук. Он выразительно посмотрел на Степана, который подхватил ложку из кастрюльки и сунул остатки каши себе в рот. – Лихо, позвони русалке и попроси связаться с волколаком...

– Вкусно, – недовольно пробубнил Степан, скрябая ложкой по краям кастрюльки. – Не мог и на меня приготовить? Я, между прочим, тоже не успел позавтракать...

– Что, даже не отравлено? – я приподняла брови, наблюдая, с каким удовольствием полицейский облизывает ложку. И перевела взгляд на инститора: – Вдвойне подозрительно...

– Лихо! – строго рявкнул Генрих, и ложка загремела в кастрюле.

– Уже звоню, – недовольно буркнул Степан.

Генрих нетерпеливо склонил мою голову к тарелке так, что волосы едва не попали в кашу. Я воспротивилась было, но инститор наклонился и прошипел:

– Набирайся сил, ведьма! И помни о своей части сделки. А после можешь голодать, падать в обморок и страдать по своему волколаку сколько захочешь. А сейчас соберись!

Я облегчённо вздохнула и подхватила ложку, каша оказалась действительно очень вкусной. Мне так никогда не приготовить. Я даже успела проглотить всё, что было в тарелке, пока Степан разговаривал с Забавой.

– Как она? – с набитым ртом прошамкала я.

Полицейский кивнул:

– Ещё отлёживается у Лежки в доме.

Я поджала губы: видимо, русалку совсем скрутило, раз брат притащил её к себе, не боясь ревности жён.

Инститор вопросительно посмотрел на меня:

– Ещё дом? За какой же ты платишь кредит?

Я отодвинула тарелку и усмехнулась, а взгляд мой скользнул по маленькой кухне, где трое человек едва не ходили по головам друг друга.

– Не твоё дело, охотник!

Степан хлопнул инститора по плечу.

– За дом братца, конечно, – коротко хохотнул он. – Надо же где-то размещать его жён и потомство...

– Ненормальный инкуб, – нахмурился Генрих.

Степан кивнул:

– Это точно.

Я взвилась:

– Да мой брат самый нормальный инкуб в мире!

Степан громогласно расхохотался, а Генрих саркастично усмехнулся:

– Правда, что ли? Мне нереально повезло! И русалка самая русалистая. И ведьма волшебная на всю голову...

Я подскочила, намереваясь рассказать инститору, кто он и куда может засунуть свой сарказм, как затрещал сотовый Степана. Улыбка растаяла на лице полицейского. Он протянул мне телефон, коротко сообщив:

– Вукула!

Я торопливо прижала трубку к уху:

– Вукула, срочно нужна твоя помощь! У нас есть всего пара часов и дубовый ключик...

Я замолкла, вслушиваясь в рваное дыхание волколака, и сердце моё забилось быстрее. Согласится ли Вукула?

– В роще через полчаса, – отрывисто бросил волколак, и я услышала короткие гудки.

Подняла глаза на Степана:

– Подбросишь до рощи?

Полицейский серьёзно кивнул:

– Высажу за квартал. Ближе не рискну. Прости...

Я криво усмехнулась: разумеется!

Я прижалась спиной к нагретому солнцем забору, а взгляд мой скользнул по хмурому лицу Генриха. Тот рывком вытащил сумку, и Степан захлопнул багажник. Полицейский сухо кивнул и торопливо вернулся на водительское сидение. Взревел мотор, и автомобиль быстро скрылся за поворотом.

Генрих наградил меня тяжёлым взглядом:

– Боишься?

Я спрятала за спиной трясущиеся руки и вздёрнула подбородок:

– Нисколько! А ты?

Инститор коротко усмехнулся, и глаза его весело сверкнули. Решительным шагом он двинулся в сторону зелёных дубов, а я понуро поплелась следом. Колени мои дрожали, а желудок скрутило, и каша грозилась вырваться на свободу при малейшей мысли о дубовой роще, которую даже полицейские предпочитали объезжать за несколько кварталов. Надо подумать о чём-то ином, иначе я просто сбегу... Комок снова подкатил к горлу, и я посмотрела на напряжённую спину Генриха.

– Впервые встречаю институтора, который умеет готовить, – деревянным голосом произнесла я.

Генрих иронично покосился на меня, и зубы его сверкнули:

– И много ты встречала институторов?

Я невольно икнула и с ужасом покосилась на зелёные кроны дубов:

– Ты первый...

Генрих проследил за моим взглядом и понимающе кивнул:

– Как правило, первый институтор для ведьмы и последний.

Я ощутила, как с каждым шагом всё больше холодеет моя спина, и пробормотала:

– Не мой вариант! У меня лицензия, помнишь?

Охотник кивнул:

– На память не жалуюсь... в отличие от твоих друзей.

Я наградила институтора недобрым взглядом:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что ты мало чем отличаешься от ведьмы-шантажистки, – холодно отозвался тот. – Используешь силу при любом случае и по любому поводу, не слишком заботясь об окружающих и не думая о последствиях.

Зубы мои скрипнули, а кулаки сжались:

– Я не сделала ничего плохого!

Инститор усмехнулся, и голова его покачнулась.

– Знала бы ты, сколько раз я слышал эту фразу! Вы ведьмы непомерно эгоистичны. Считаете, что если вам сила дана, то вы – вершина эволюции! А простые люди существуют лишь для того, чтобы служить вам игрушками. Жестокие дети отрывают головы куклам, а ведьмы с такой же лёгкостью поступают так с живыми людьми...

– Минуточку! – протестующе вскрикнула я, дёргая за ручку сумки. Инститор обернулся, и я посмотрела в его холодные глаза: – Совсем недавно ты оторвал голову ведьме и сжёг её тело! А теперь обвиняешь меня в том, что я играю чужими жизнями?

Генрих равнодушно пожал плечами:

– Наказание неизбежно. Ведьма должна умереть... – Он добавил с усилием: – Ведьма без лицензии, конечно...

Я покачала головой.

– Это кто ещё считает себя вершиной эволюции? – фыркнула я и шагнула к охотнику: – Ты так горд своей профессией? Ты же просто убийца!

Генрих резко развернулся, взгляд его полыхнул яростью, и я невольно отшатнулась. Между нами промчался серый вихрь, и я ощутила себя прижатой к земле. Когда я успела упасть? Рот мой зажимала ладонь Вукулы, а его глаза с вертикальными зрачками поблёскивали в нескольких сантиметрах от моего лица.

– С ума сошла? – прошипел он. – Чего орёшь?

Тело волколака дрогнуло, и я увидела, как Генрих легко приподнял его за шкуру, словно Вукула был не тяжелее меня. Оборотень вывернулся из его хватки, и мужчины замерли друг напротив друга, взгляды их схлестнулись.

– Так ты и есть тот самый инститор? – прорычал Вукула. Мягким шагом он обошёл Генриха, а охотник напряжённо следил за волколаком. – Где ключ?

Инститор медленно вытащил потемневший от гари ключ, но волколаку отдавать его не спешил.

– Ты уверен, что сможешь? – спросил он.

Вукула усмехнулся, и уши его шевельнулись, а взгляд скользнул в мою сторону. Я поднялась с земли и прошептала, не отрывая от охотника взгляда:

– Только он и сможет!

Волколак положил руку мне на голову.

– Сможешь только ты, Мара, – мрачно проговорил он. – Это ведьминское место. Я лишь доставлю тебя внутрь. Вопрос в том, сможем ли мы выбраться...

– Поспешите, – коротко бросил Генрих. – А я подожду здесь.

Он сбросил сумку на землю и присел на корточки, коротко звякнул в его руках меч, которым он разбил зеркала в кабаке. Инститор оценивающе посмотрел на забор и поднялся, обхватывая рукоять обеими руками. И вдруг рубанул изо всех сил. Зазвенела сигнализация, и я отшатнулась:

– Ты сошёл с ума? Что ты творишь?

Вукула нетерпеливо потянул меня за руку.

– Мара, быстрее! – проговорил он, и мы бросились вдоль забора. – Пока инститор их отвлекает, у нас больше шансов...

Я на бегу оглянулась. Генрих размахивал мечом, а вокруг него падали доски. И вдруг содрогнулось одно из деревьев, а округу огласил дикий вопль. Кровь моя застыла в жилах.

– Он точно чокнутый, – немеющими губами прошептала я.

Над охотником закружились вороны, и их рваные крики смешивались со стонами живого дуба, который и рубил инститор. Кроны деревьев зашевелились так, словно по роце промчался ураган, вот только ветра не было. Роща чуяла боль одного из существ.

Пальцы Вукулы отпустили мою руку, и вот уже рядом со мной бежит волк. Его мохнатая морда поднырнула под мою ладонь. Я вцепилась в жёсткую шерсть и на бегу вскочила на волколака верхом. Тот мигом перемахнул через забор. Мы мчались между дрожащими от гнева стволами, а ветки деревьев, словно руки, отчаянно стремились в небо. На нас живые дубы не обращали никакого внимания.

За несколько минут Вукула домчал меня до старенького склепа. Я соскользнула с волка и покатила по земле, едва не ударившись о белый камень стен. К сожалению, я не знала, к какому из многочисленных замков подходит данный ключ, поэтому бросилась к первому попавшемуся. Холодное, словно лёд, железо не поддавалось. Я бросилась к следующей плите, а потом к следующей...

Волк метался вокруг меня, мокрым носом подталкивая меня под локоть. Роща шумела уже так, словно в каждой кроне крутился персональный смерч, а земля под ногами дрожала. Спина моя взмокла, я старалась не думать, что будет с охотником, если ветви волшебных дубов дотянутся до него. И старалась не думать, что затем роща сделает с нами, но фантазия рисовала куски наших тел, рассеянные по земле, и руки дрожали так, что ключ едва попал в очередной замок.

И вдруг дужка отлетела в сторону, я судорожно сорвала замок с петель и с трудом сдвинула каменную плиту. В холодной сырой глубине лежала старая потёртая коричневая сумка. Я схватила её и пошарила ладонью по дну могилы, чтобы убедиться, что ничего не упущено.

Вукула вцепился зубами в мой рукав, и ткань затрещала, когда волколак потянул меня от склепа. Над головой промчалась огромная тень, и я испуганно пригнулась к земле. Я сглотнула и обхватила шею Вукулы, а волк тут же подорвался с места. Я боялась посмотреть вверх. Впрочем, смотреть и не требовалось, и так было понятно, что сработавшая сигнализация потревожила покой ведьм, чьи тайны хранил старый склеп, расположенный посреди рощи живых дубов.

И теперь нам предстояло самое сложное, – выбраться живыми. И не фантом неизвестной ведьмы представлял угрозу: она наверняка лишь проверяла, чей замок вскрыт. Стражи уже обшаривают рощу, и нам повезло, что нас ещё не обнаружили. Хотя, везение тут ни при чём, стражи сначала бросились к разбушевавшемуся инститору.

Пальцы мои сжимали жёсткую шерсть, а тяжёлая сумка хлопала по боку. Забор уже приближался, но я чётко видела, как шевелятся корни дубов. Либо дерево пало под мечом инститора, либо пал сам инститор, и больше ничего не отвлекает рощу от непрошенных гостей. Ещё немного, и змеи корней обовьют наши тела, а стражи завершат дело, и никто не вспомнит о глупой ведьме, которая рискнула сунуть свой любопытный нос в улей чужих тайн...

Что-то огромное набросилось на нас слева, и мы покатались по земле. Я ударилась плечом, а в ушах зазвенел стон, переходящий в жалобный скулёрж. Клацнули зубы, и волколак бросился ко мне. Я снова вцепилась в шею Вукулы, но сверху упало нечто тяжёлое. Я с трудом вытянула сумку из-под комка мохнатых тел и бросилась к спасительному забору. Сердце, казалось, сейчас взорвётся, а я лезла вверх, с ужасом осознавая, что вой приближается, а под ногами шевелится земля.

Шершавые доски оставляли в ладонях занозы, но я упрямо лезла наверх. Со смачным хлопанием из земли вырвался коричневый блестящий корень, и мою щиколотку словно обвила змея. Я взвизгнула, и повисла на заборе, отчаянно дёргая ногами. А позади раздавался рык и клацанье зубов. Я с отчаянием посмотрела на комок из трёх мохнатых тел, а зубы мои заскрипели от отчаяния. Что же делать?

Над головой снова пронеслась тень, и я прижалась к забору, а кровь застучала, казалось, в висках. Вдруг в руку мою вцепились жёсткие пальцы, и рот мой распахнулся в безмолвном крике. Вот и всё! Даже если меня оставят в живых, можно попрощаться с лицензией.

– Мара! Мне тебя не вытянуть...

Я вздрогнула: это же голос Генриха!

– Генрих! Помоги! – вскрикнула я, пытаюсь подтянуться выше. – Проклятый корень вцепился в мою ногу!

Руки инститора сжали моё запястье.

– Ты достала компромат? – напряжённо спросил он.

– Да, – я закивала, хоть Генрих не мог видеть это. – Сумка ведьмы у меня!

– Давай сюда, – прохрипел охотник, и я метнула через забор свою добычу. – А сама прыгай вниз...

– Что? – Спина моя покрылась холодным потом. – Нет! Тащи меня скорее!

Но пальцы его разжались, а мои влажные ладони заскользили по забору. Я не сумела удержаться, и корень перетянул моё тело. Я свалилась на землю и закричала:

– Будь ты проклят, инститор! Бросаешь меня?

– Отползи в сторону, ведьма, – прорычал Генрих, и я едва успела откатиться, как в то место, где я лежала, вонзился меч охотника. – Хватай меч!

Я машинально рванулась к оружию, и мои дрожащие пальцы обхватили рукоять.

– Я не умею! – взвизгнула я.

– Руби корень! – рявкнул Генрих.

Я отчаянно закричала, поднимая тяжёлый меч, и лезвие, падая, воткнулось в блестящую змею, которая держала мою ногу. Раздался вопль, похожий на тот, что я слышала при проникновении в волшебную рощу, и корень втянулся в землю. Но рядом возникли другие. Я вскочила и, подволакивая меч, испуганно прижалась к забору.

Вукула, сражающийся с чёрными волками, откинул одного противника и прижал второго к земле. С окровавленной морды его стекала пена, а взгляд метнулся в мою сторону. Волколак щёлкнул зубами над поверженным и бросился вдоль забора ко мне. Я бросила меч и побежала к нему, лавируя между ожившими корнями, которые тянулись к моим ногам.

Вукула пригнулся, а я прыгнула на него, и волколак подкинул меня вверх. Я заметила, как к нему приближаются ещё несколько чёрных волков, и сердце моё сжалось от ужаса. Вукуле не спасись! И упала с другой стороны забора прямоком на инститора. Мы повалились на землю, и Генрих торопливо спихнул меня с себя, а вторая рука его прижималась к окровавленному лицу. Кажется, при падении, я разбила охотнику нос своим коленом.

– Где мой меч? – прогнусавил Генрих, и глаза его недобро сверкнули.

Я нервно рассмеялась:

– А где мой компромат?

Инститор мрачно хлопнул по своей сумке, но я лишь отмахнулась и метнулась к забору. Прижалась ухом и затаила дыхание. Не было слышно ни звука, и по щекам моим потекли слёзы. Я зло оттерла их. Да что волколаку какие-то там волки? Я сглотнула, а живот всё же скрутило от страха за Вукулу. Инститор дёрнул меня за рукав.

– Поспешим! Надо ещё до офиса добраться!

– Но там же Вукула, – простонала я, изо всех сопротивляясь охотнику.

– И мой меч, – мрачно буркнул Генрих. – Между прочим, не простая железка!

Я бросила взгляд на забор и мучительно прислушалась.

– Он сейчас догонит! – уверенно проговорила я. – Только минутку подождать...

– Хорошо, – жёстко проговорил Генрих, и пальцы его разжались. – Меня это тоже устроит. Невыполнение тобой контракта повлечёт отзыв лицензии, а я освобожу этот мир еще от одной ведьмы...

Я вздрогнула, и глаза мои расширились:

– Что?!

Губы инститора скривились, а глаза сверкнули:

– Я читал контракт... в отличие от тебя. Судя по тому, как грамотно он составлен, твой клиент как минимум хороший юрист. А тебя природа мозгами явно обидела.

Я судорожно сглотнула. Холодный взгляд Генриха не оставлял сомнений в правдивости его слов. Мне самой показалось странным, что клиент так настаивал на подписании контракта, но я не поняла и половины того, что там написано... Впредь наука!

Я бросилась к инститору, толкая того в сторону города.

– Что стоишь? – прошипела я. – Бежим!

Генрих коротко усмехнулся и закинул сумку на плечо. Я побежала за охотником, стараясь заглушить противный внутренний голос, который повторял жестокие слова инститора. Он прав, я действительно ужасна! Я играла чужими жизнями... Вукулой... Но сейчас под угрозой

не только моя лицензия. Я не могу потерять работу. Я не могу подвести брата и многочисленных племянников, которым нужно где-то жить и что-то есть!

Тяжело дыша, я опиралась дрожащими от напряжения руками о стол, а передо мной сидел клиент. И сейчас я была готова голыми руками разодрать его холёное лицо, на котором не было заметно ни единой эмоции. Зубы мои заскрипели, а взгляд скользнул по столу, на котором лежали деньги. Дорогие часы клиента звякнули.

– Три часа дня, – сухо проговорил мужчина в строгом костюме, и веки его мелко-мелко задрожали, словно в предвкушении удовольствия. – Мной контракт выполнен в полном объёме. А вами?

И в этот момент распахнулась дверь, и Генрих быстрыми шагами прошёл к столу, ладонь его раскрылась перед носом клиента, и тот уставился на чёрную флешку. На холёном лице мелькнуло недовольство, но тут же пропало. Или мне это лишь померещилось?

– Вот компромат, за который вы каждую неделю платили по сто тысяч, – холодно прокомментировал инститор.

– Спасибо, – ровно проговорил клиент и поспешно цапнул флешку. – Претензий не имею, вами контракт выполнен.

Он рывком поднялся, а пальцы мои вцепились в край стола. Я едва сдерживалась, наблюдая, как пижонистый адвокатишка покидает мой кабинет. Хлопнула дверь, и я устало опустилась на стул.

– Ты был прав, – простонала я, обхватывая ладонями горящие щёки. – Он угрожал мне потерей лицензии! Странный тип! Ах, как хотелось выцарапать ему глаза!

Генрих опустился на стул, на котором только что сидел клиент, и усмехнулся:

– Лучше свои держи открытыми! Тебя же не заставляли подписывать этот контракт. Кстати, о договорах... – Он подхватил со стола несколько банкнот: – Это моя доля. А ещё услуга...

– Мара! – В кабинет практически ввалилась Забава.

Я, заметив её смертельно бледное лицо, взволнованно вскочила.

– Тебе плохо?

Русалка посмотрела на меня огромными глазами и прошептала:

– Нам всем плохо. Там... Лучше сама посмотри!

И распахнула дверь. Я метнулась к выходу и застыла на пороге, наткнувшись взглядом на Вукулу. Волколак слабо покачивался, лицо его багровело кровоподтёками, а руки были стянуты за спиной. Вокруг стояло несколько людей в тёмной удобной одежде, смахивающей на спортивную форму. Лица их были скрыты за повязками, и я невольно поёжилась от взглядов чёрных блестящих глаз.

– Чем могу помочь? – просипела я и попыталась улыбнуться, но дрожащие губы не слушались.

Один из незнакомцев вытолкнул Вукулу.

– Этот волколак говорит, что проник в Дубовую рощу по вашей просьбе. – Голос говорившего был высок и приятен, но глаза сверкали от ярости: – Вы признаёте это?

Я слотнула и покосилась на Вукулу, но тот избегал моего взгляда. Лицо волколака опустилось, а кадык дёрнулся. Незнакомец продолжал:

– Стражи подают иск на ваше агентство. Вы ответите за кражу лишением лицензии.

Я застонала и прижала ко лбу ладонь. Инститор пододвинул меня и подошёл к стражам.

– А чем доказан факт кражи? – холодно уточнил он.

Страж моргнул, переводя взгляд на Генриха, а из строя вышел ещё один.

– Ячейка пуста, а замок был вскрыт.

– Вскрыт чем? – навис над ним инститор.

– Ключом, – ответил тот, и брови Генриха взметнулись, а страж хотел ещё что-то добавить, но закрыл рот и посмотрел на первого.

– Значит, это была ваша ячейка? – напряжённо уточнил тот и нахмурился: – Так зачем же было врываться и крушить деревья? Порядок проведения вскрытия...

– Занимает слишком много времени, – оборвал его Генрих. – А содержимое ячейки потребовалось нам немедленно. Просим прощения за причинённые неудобства.

Тело стража дёрнулось, а глаза сузились.

– Неудобства?! Вы разрушили забор и причинили вред двум деревьям! Мы не можем подать иск, но жалобы вам не избежать...

– Чёрт, – воскликнула я. – Это всё равно, что иск! Вы что, тоже не любите ведьм?!

– Почему же? – выступил второй страж: – На вкус вы ничего так! Жареные...

Я содрогнулась, а Генрих ухмыльнулся, с заметной симпатией глядя на стража. В это время распахнулась входная дверь, и в офис вошёл Лежик. К моему удивлению, он прошёл напрямик к стражу, и рука брата легла тому на плечо.

– Не замечал в тебе подобной кровожадности, – мягко произнёс он. – Может, договоримся?

Я нахмурилась: Лежка включил харизму на полную мощь, но зачем ему этот страж? Раньше инкуба мальчишки не интересовали. Плечи стража опустились, а взгляд стал масляным. Он промурлыкал:

– Что ты предлагаешь, Лежик?

Я шагнула к брату:

– Ты его знаешь?

Второй страж заметно заволновался. Он приблизился к первому и зарычал:

– Багира, очнись!

Я изумлённо посмотрела на первого стража: так это женщина? Багира стянула повязку с лица. Пухлые губы её растянулись в широкой улыбке, а взгляд узких чёрных глаз не отрывался от Лежика. Рука брата скользнула от плеча жертвы вниз по спине, и инкуб склонился к лицу Багиры:

– Предлагаю прогуляться и обсудить инцидент. – Зачарованная двинулась к двери, а Лежик мило ей улыбнулся: – Только сначала... пусть твои псы отпустят моего хорошего друга Вукулу.

Багира подняла руку и приказала:

– Отпустите волколака!

Освобождённый Вукула едва не рухнул на пол, и я метнулась к волколаку, чтобы поддержать его. Парочка голубков уже скрылась в дверях, а второй страж нервно заметался по офису.

– Я это так не оставлю! – зарычал он. – Вы ещё поплатитесь!

Он сделал круговое движение кистью, и молчаливые фигуры в чёрном покинули нас. В дверях я заметила удивлённого Степана: тот застыл на пороге, провожая взглядом компанию стражей.

– Это что ещё за ниндзя-клуб? – протянул он, весело скалясь. Увидел Вукулу, и лицо полицейского снова удивлённо вытянулось: – Ого! Хорошо же тебя отделали? Точно, ниндзя!

Плечи Вукулы напряглись, и волколак отшатнулся от меня.

– Это стражи, Лихо, – пробурчал он.

Он едва не упал, но его вовремя подхватила русалка. Я сделала вид, что мне всё равно, что мой парень избегает меня, и шагнула к столу, рассеянно перебирая пальцами разложенные бумаги. Взгляд мой опустился на строчки, а зубы скрипнули от досады: кажется, это и есть тот самый злополучный контракт. Что же за тип? И почему он был так недоволен тем, что я справилась?

– Вукула, ты как? – взволнованно спросила Забава. Она покосилась на меня: – Это же следы... от зубов! Кто эти стражи?оборотни?

Волколак мрачно расхохотался и покачал головой.

– Псы, – выплюнул он. – Маги, которые только и умеют, что превращаться в волков. Но один волколак стоит пяти псов!..

– Что же тебя так помяли? – саркастично фыркнул Степан. – Стражи не согласились с твоей арифметикой? Или их было шесть?

– Лихо, ты зачем пришёл? – недовольно спросила я, бросая бумаги на стол.

Вукуле и так досталось, чтобы переносить лихой сарказм. Полицейский пожал плечами:

– Убедиться, что больше ни одна ведьма не пострадала. Кстати, о ведьмах. Генрих, пойдём-ка, пошушукаемся!

Они скрылись в кабинете инститора, а Вукула тут же перевёл на меня тяжёлый взгляд, и я невольно сглотнула. Волколак отстранился от Забавы и тихо проговорил:

– Я выполнил работу и требую оплату.

Сердце моё болезненно сжалось: как ему сказать, что денег нет? Стало ужасно неловко, что я вызвала волколака на работу, за которую тот получил лишь побои. Как быть? Если отдать Вукуле часть гонорара, то денег оплатить взнос за кредит уже не хватит.

– Сколько? – кисло улыбнулась я.

– Мне не нужны деньги, – поморщился волколак. Он посмотрел на меня в упор, и живот мой скрутило от дурного предчувствия: – Верни мне мои воспоминания. И немедленно!

Руки мои задрожали, а на глаза навернулись слёзы.

– Но, – прошептала я. – Тогда ты больше никогда...

Губы волколака скривились.

– Неужели ты всё ещё надеешься, что я вернусь к тебе? – жёстко спросил он. И вздохнул: – Я хочу забрать всего себя, Мара! Отдай мне меня!

Я хлюпнула носом, и взгляд мой опустился.

– Не могу, – прошептала я. – Прости...

– Не можешь? – прорычал Вукула. – Или не хочешь? Мара, предупреждаю, не играй с волколаком в полнолуние!

Я вздрогнула, и взгляд мой испуганно метнулся на мрачное лицо русалки. Сцена из ночного клуба словно ожила перед внутренним взором: как энтукку тянули в стороны воспоминания Вукулы...

– Забава, – взмолилась я.

– Ой, нет, – секретарша поспешно подняла руки, словно сдаваясь. – Разбирайтесь сами! Я лучше деньги отнесу в банк. Сегодня же последний день? Не хочу, чтобы Лежку с потомством выгнали на улицу.

Я увязалась за русалкой в свой кабинет, стараясь, чтобы Забава оставалась между мной и Вукулой. Волколак не отставал ни на шаг, не сводя с меня немигающего взгляда. И когда за секретаршей хлопнула дверь, я мучительно простонала:

– Ну вот, ни денег, ни воспоминаний! Моя платёжеспособность равна нулю...

– Что?! – прорычал Вукула. – Куда ты дела мои воспоминания?

– Э, – протянула я, отступая за стол русалки. – Понимаешь... Они ускользнули от меня...

– Куда ускользнули? – грозно спросил волколак, а я с ужасом смотрела, как на его скулах появляется шерсть. – Где это произошло?

Он попытался прыгнуть на меня, и я судорожно метнулась под стол.

– Я случайно выпустила их! – пискнула я, пробираясь на четвереньках к своему кабинету.

Но Вукула мягко приземлился между мной и дверью, я отпрянула, судорожно перебирая руками.

– Так собери их! – рявкнул почти преобразившийся волколак.

Я сглотнула и прошептала:

– Понимаешь, там было несколько человек, и некоторые уже мертвы...

Скрипнула дверь, и передо мной на миг замер Степан, в руке полицейского чернела рация, а взгляд заскользил по серому волку.

– Лихо, спаси! – вскрикнула я. – Полнолуние... У Вукулы крышу снесло!

Но Степан шустро бросился к выходу:

– Прости, Мара, у меня срочный вызов! Потом поболтаем...

Я едва ускользнула от мощного прыжка озверевшего волколака и, с ужасом мазнув взглядом по холодящему кровь оскалу, метнулась к кабинету инститора. Но дверь захлопнулась перед моим носом, причём Генрих остался с этой её стороны. Я протестующе вскрикнула и попыталась спрятаться за охотником, но тот отошёл в сторону, предоставляя меня злому Вукуле.

– Смерти моей хочешь? – прошипела я, снова отступая за спину инститора. – Что ты делаешь?

Вукула мягко переступал лапами, готовясь к броску.

– Любопытно, – хмыкнул Генрих, делая шаг в сторону. – Никогда не видел предвзятых ласк ведьмы и волколака. Не обращайтесь на меня внимания, у меня чисто академический интерес.

– Ты позволишь ему разодрать меня? – ахнула я.

Генрих иронично хмыкнул:

– Судя по всему, он тебя не раз уже драл. Или ты настолько стеснительна? Ладно, могу и уйти...

– Нет! – я вцепилась в футболку инститора, не сводя настороженного взгляда с волколака. – Или ты забыл, что я должна тебе? Еще нужна моя услуга?

Генрих разочарованно вздохнул:

– Ах да, точно.

Он неожиданно бросился на волколака, и руки охотника обвили вокруг шеи Вукулы. Я прыгнула на волка и, придавив своим телом, положила руку ему на глаза. Забрав последние минуты воспоминаний, я вскочила и, пока Вукула растерянно мотал мохнатой головой, дёрнула Генриха за шиворот.

– А теперь бежим!

Мы бросились в кабинет инститора, и Генрих торопливо запер дверь. Я привалилась к стене и, едва переведя дыхание, прошептала:

– Так что же тебе от меня нужно?

Инститор навис надо мной, и руки его упёрлись в стену по обе стороны от моей головы, а лицо приблизилось. Я затаила дыхание, не сводя взгляда с его изумрудных глаз. Губы охотника дрогнули в холодной усмешке.

– Ничего такого, чтобы ты не делала прежде!

Глава 4. Похищенное воспоминание

Я шагала по узкой тропинке, которая словно ручейком струилась между невысоких домиков с завитками на крышах. Ноги мои путались в длинных полах тяжёлого плаща, а растерянный взгляд скользил по ярко раскрашенным стенам. На широких террасах покачивались бумажные фонари, и я не могла избавиться от ощущения, что попала в восточный городок. Ещё несколько шагов, и навстречу мне выйдет строй воинов с катанами за спиной или выпорхнет стайка белолицых дам в неуклюжих кимоно. Смех вырвался против воли.

– Так вот как выглядит рай для инститоров!

Генрих резко развернулся, и глаза его расширились, а палец прижался к губам. Я сжала челюсти и кивнула, а пальцы мои впились в толстую ткань объёмного капюшона, который я судорожно натянула на лицо.

– Прости, – прошептала я, приближаясь к охотнику, и под ботинками моими вновь зашуршал гравий.

Генрих подождал, пока я пройду вперёд, и тяжёлая ладонь его легла на мою шею, направляя меня в сторону одного из домиков. Я с любопытством разглядывала аляповатые рисунки на его красных стенах, не понимая значений незнакомых символов. Обувь пришлось оставить на траве, и на террасу я поднялась уже босиком. Стопы мои ощущали приятное тепло дерева.

Дверь распахнулась, и запахло скошенной травой и крепким чаем. А на пороге я разглядела совершеннейшую красавицу, и у меня захватило дух. Высокая стройная женщина в приветствии опустила голову, и я смогла полюбоваться идеальной причёской. Затем незнакомка подняла глаза, и от взмаха её густых ресниц у меня закружилась голова. Взгляд синих глаз, казалось, пронизывал меня насквозь.

– Впервые в жизни пожалела, что я не мужчина, – растерянно пробормотала я, а эти двое вдруг весело расхохотались.

Я замерла от музыкального звучания её смеха, а Генрих нетерпеливо подталкивал меня к входу. На ватных ногах я прошла в светлую пустую комнату, и взгляд мой притянул маленький столик, расположенный ровно посередине. Женщина опустилась перед ним на колени, и её изящные руки запорхали над чашками, аромат трав и чая усилился.

Инститор сорвал с меня плащ и надавил на мои плечи. Я послушно опустилась на колени в шаге от красавицы, искренне недоумевая, почему Генрих не поскуливает у её ног, словно влюблённый волколак. Даже мне хотелось пододвинуться ближе, чтобы просто быть хоть немного причастной к совершенству.

– Кто вы? – с придыханием спросила я.

По лицу женщины скользнула усмешка, и по спине моей пробежались мурашки.

– Меня зовут Аноли, – проговорила она, опуская ресницы.

Я удивлённо прислушалась к своим странным ощущениям. Меня одновременно тянуло к красавице и отталкивало от неё с не меньшей силой. Аноли потянулась к пустой чашке, которая попадала под столб света, льющийся из окна, и кожа её рук заблестела, словно перламутр. Я судорожно слотнула, волосы на моей голове зашевелились, а взгляд метнулся к выходу.

– Меня называют, – тем же ядовито-сладким тоном продолжила красавица, – красной птицей иллюзий. Я – инститор, как и Генрих.

Она поставила коричневый чайник на столик, и я ощутила на себе пристальное внимание. Ощутила кожей, словно взгляд Аноли был физическим прикосновением. Сердце моё застучало быстрее, а дыхание перехватило. Я пожалела, что согласилась на просьбу Генриха, и живот мой скрутило от дурного предчувствия.

Аноли мило улыбнулась, и руки её потянулись к охотнику, а я невольно уставилась на перламутровые пальцы, в которых дымилась чашка с чаем. Генрих осторожно обхватил горя-

чий фарфор и повернулся ко мне, протягивая питьё. Я мрачно покосилась на зеленоватую жидкость, и от понимания меня бросило в жар.

– Зелье? – несчастным голосом спросила я, и губы инститора иронично изогнулись, а глаза сощурились. – Это действительно необходимо?

Генрих не ответил, а я невольно сглотнула. Пить что-либо в закрытом посёлке инститоров, о котором я узнала несколько минут назад, совершенно не хотелось. А если учесть, что я – одна из ведьм, на которых они охотятся, то и смертельно опасно. Но в любом случае, если эти двое захотят моей смерти, живой мне из городка не выбраться. Я вспомнила, с какой лёгкостью Генрих вызвал синий огонь, и зубы мои скрипнули.

Дрожащие пальцы мои потянулись к чашке, и я осторожно приняла зелье. Голова закружилась, и я невольно покосилась на Аноли. Идеальные губы её сложились сердечком, а глаза заискрились от удовольствия. Казалось, что она наслаждается каждой каплей моего страха. Хотя, почему кажется? Скорее всего, так оно и есть. Ведь Генрих мечтает меня сжечь с первого же момента знакомства! Инститоры...

Я выдохнула и залпом выпила всю жидкость, зелье обожгло мне нёбо, и рот мой невольно распахнулся, а глаза выпучились. Аноли рассмеялась, а Генрих фыркнул и отвернулся:

– Не слишком приятное зрелище!

Щёки мои опалило жаром, плечи опустились, а язык скользнул по ноющему нёбу.

– Кипяток, тьма его побери, – виновато пробормотала я.

Улыбка растаяла на лице Аноли, а синие глаза наполнились сочувствием. Инститорша кивнула:

– Разумеется, кипяток. Только что заварила. – Она перевела взгляд на Генриха и снова улыбнулась: – Как ей не терпится! Но придётся подождать, когда зелье правды подействует.

Руки мои сжались, а кожу на голове стянуло от ужаса.

– Зелье правды? – простонала я, поворачиваясь к Генриху: – Но зачем?!

Инститор вздёрнул подбородок и посмотрел на меня так сурово, что я невольно отшатнулась.

– Необходима уверенность, что ты не сделаешь ничего лишнего, ведьма!

Я поднесла дрожащие руки к глазам: пальцы мои двоились. Неожиданно зевнула и потёрла лоб. Аноли потянулась ко мне, и взгляд её синих глаз снова ощутимо коснулся меня.

– Уже действует, – растерянно проговорила она. – Детка, ты голодна? Это может быть проблемой. Давно ела?

– Утром, – я неопределённо махнула рукой. – Генрих приготовил мне кашу...

Аноли развернулась к инститору так резко, что из её причёски выпало украшение. Оно зазвенело, прокатившись по полу, и замерло, сверкая гранями алого камня.

– Утром?! – змеёй прошипела красотка, но через секунду лицо её разгладилось, и Аноли проворковала: – Не знала, что ты готовить умеешь!

– Это не то, о чём ты подумала, – быстро проговорил Генрих.

– Тебе лучше не знать, о чём я подумала, – нежно проговорила та.

Генрих коротко улыбнулся, и бросил на меня такой яростный взгляд, что во рту у меня пересохло, а пальцы отчаянно вцепились в фарфор чашки. Если бы зелье ещё оставалось, я бы выпила его, пусть даже оно заставило бы меня сказать всю правду...

Я замерла, и взгляд мой опустился на зелёные травяные разводы, образующие на две чашки причудливые узоры.

– Действительно действует, – пробормотала я. – Чёрт! И зачем это вам? Только не говорите, что всегда хотелось узнать распорядок дня ведьмы! Я бы и так рассказала...

Аноли опустила руки на пол и шустро подползла ко мне на четвереньках, её синие глаза расширились, а ротик приоткрылся в предвкушении. Я невольно отодвинулась, но наткнулась спиной на невозможного Генриха.

– Ты действительно хочешь нам помочь? – прошептала Аноли.

– Нет, – фыркнула я, и лицо её скривилось, а взгляд метнулся к Генриху.

– Но ты сделаешь то, о чём я тебя попросил? – холодно уточнил тот, и я обернулась на инститора.

– Разумеется.

Брови его приподнялись, и Генрих возвратил Аноли многозначительный взгляд. Женщина выдохнула, и пальцы её сжали моё плечо так, что я невольно вскрикнула, вцепившись в её руку. Но инститорша не обратила на это внимания.

– Ты сделаешь только то, о чем тебя просил Генрих? – напряжённо спросила она. – Ты действительно сможешь извлечь строго определённый период из памяти? Даже если случай произошёл очень давно?..

Я пожала плечами:

– Чем старше воспоминание, тем оно... прозрачнее, что ли. Но ухватить его можно. Потребуется немного больше времени, и только.

Аноли тряхнула меня за плечо и прошипела, а глаза её сузились:

– Ты не причинишь клиенту вреда?

Я попыталась оторвать её жёсткие пальцы от своего ноющего плеча.

– Скорее вы мне руку сломаете, – зло буркнула я.

Аноли отпрянула, а я ощутила на шее горячую ладонь Генриха и обернулась к инститору.

– Ты не причинишь клиенту вреда? – сухо повторил он слова Аноли.

Я отрицательно качнула головой. Подумав секунду, добавила:

– Если он не попытается причинить его мне.

Аноли скривилась:

– Не попытается. – Она вскочила на ноги и посмотрела на меня, словно сытый кот на плешивую мышь. – Хорошо, меня устраивают твои ответы. Ждите...

И выскользнула в дверь. Я растерянно оглянулась на инститора.

– Так клиент не она?

Генрих отвернулся, но губы его шевельнулись.

– Нет.

Я усмехнулась и едко проговорила:

– Как с вами просто, прям терпения не хватает! А где тогда клиент? У меня, знаешь ли, нет желания торчать в этом осином улье лишние минуты. Как подумаю о том, сколько народу будет счастливо полюбоваться факелом, который может из меня получиться, так сразу тошнить от радости начинает!

Генрих прикрыл веки, и из его груди вырвался страдальческий вздох, словно его заставили присматривать за двухлетним ребёнком.

– Ты действительно думаешь, что все инститоры только и мечтают, что жечь ведьм?

Я скривилась и кивнула:

– А что тут думать? У меня живой пример перед глазами! Как ни взглянешь на меня, так и вижу, как... это... Как там было? А! Твой взгляд полон желания! – лицо его вытянулось, и я ехидно добавила: – Желания сжечь меня поскорее!

Кадык на его шее дёрнулся, а взгляд стал колючим. Мне совсем не понравилась его кривая улыбка, и я с тоской посмотрела на дверь. Когда же вернётся Аноли?

– Кстати, о желании, – мягко проговорил Генрих, и от его голоса по коже моей поползли мурашки. Я посмотрела на него, как кролик на удава. – Ты... хочешь меня?

Я хотела закрыть рот, но прежде чем мои руки прижались к губам, сорвалось:

– Да.

Сердце моё оборвалось, а глаза расширились. Чёрт бы побрал инститоров с их зельями! Они же должны бороться с ведьмами, а не пользоваться их методами! Генрих коротко улыбнулся, и у меня перед глазами всё поплыло.

– А как же, – иронично хмыкнул он, не отрывая от меня внимательного взгляда, – твои слова о том, что, будь я даже последним мужчиной, ты не занялась бы со мной сексом? Это правда?

– Да, – проскрипела я.

Брови инститора поползли вверх, а рот скривился:

– Правда?!

– Да! – крикнула я, едва сдерживая слёзы.

Он повёл плечами и растерянно улыбнулся:

– Как интересно! И почему же?

– Да потому что я до чёртиков тебя боюсь! – прошептала я, и по щеке моей скользнула слеза.

Генрих замолчал, спина его напряжённо выпрямилась, а кадык дёрнулся.

– И правильно делаешь, ведьма! – медленно проговорил он.

В комнату вошла Аноли, в руках её я увидела большой свёрток алой ткани, а на губах довольную улыбку.

– Пошалим? – промурлыкала она, и я торопливо вытерла мокрую щёку. – Превратим ведьмочку в инститора!

Я с подозрением, не ожидая ничего хорошего, покосилась на женщину:

– Это как?

Она жестом фокусника развернула свёрток, и я увидела чудовищное платье в стиле принцессы из сказки.

– Уродство какое, – пробормотала я и с надеждой покосилась на Аноли: – А это обязательно? Я вообще платьев не ношу, а всякие там кринолины меня пугают до жути...

– Ведьма не только хлипкая, но и трусливая, – презрительно отозвался Генрих, и я съёжилась от его холодного взгляда: – Будь вы все такие, и жечь бы не пришлось!

– Ну-ну, – Аноли потрепала его по щеке, словно обиженного ребёнка: – Эта девочка хорошая! Она живёт по правилам, работает по лицензии... Ты сам говорил, что она ещё не успела сделать миру ничего плохого. Но не переживай, будет и на твоей улице факел!

Я содрогнулась, а Генрих мечтательно улыбнулся. Аноли легко, за шкирку, подняла меня на ноги, и я мрачно рассмеялась: видимо, у инститоров есть спецкурс, как правильно таскать ведьм! Охотница, не обращая внимания на мои ужимки, натягивала на меня жуткое платье прямо поверх одежды.

– Ну разве не прелесть? – отступила она, любуясь результатом. Потом потянула меня за руку: – Не каждая ведьма может похвастаться, что красовалась в церемониальной форме хранительниц! Хочешь полюбоваться на себя? В соседнем помещении есть зеркало...

– Нет! – я отскочила к стене и для верности прижала ладони к глазам. Голос мой задрожал: – Я... вам верю!

– Что такое?.. – Удивлённо начала Аноли.

Генрих нетерпеливо перебил её:

– Сосуд принесла?

Инститорша улыбнулась:

– Ах да! – Она шагнула ко мне, и её сильные руки отвели мои ладони от лица. Аноли внимательно посмотрела на меня и медленно произнесла: – Самое главное! Воспоминание перенесёшь вот сюда!

Она протянула руки над моей головой, и я растерянно уставилась на крошечную серебристую копию амфоры, которая покачивалась на цепочке. Аноли надела украшение мне на шею, и я прикоснулась пальцами к холодной подвеске.

– В смысле?

Аноли нахмурилась, и взгляд её скользнул по мрачной физиономии Генриха. Инстититор поднялся, и его рука вновь легла мне на загривок.

– Она справится, – уверенно проговорил он и подтолкнул меня к выходу: – Идём!

Я снова наступила на подол, юбка натянулась, колени дрогнули, и тело моё покачнулось. Генрих схватил меня за шкуру, и я судорожно рванулась из его жёсткой хватки.

– Хватит обращаться со мной, как со щенком! – не выдержала я. – Можно ведь поддерживать по-человечески... За локоть, например!

– Нельзя, – буркнул он, возвращая меня в вертикально положение. – Ты не человек.

В груди моей словно разлилась волна жара, а на глаза навернулись слёзы.

– Умеешь ты делать комплименты, – проворчала я, опуская лицо.

– Не время и не место для комплиментов, ведьма, – прошипел Генрих, подталкивая меня вперёд. – Поспешите.

Я поджала губы, и пальцы мои обхватили тяжёлую ткань противного платья. Недалеко от нас показалась группа людей, и сердце моё сжалось, а ноги словно стали ватными. Но меня никто не удостоил и взглядом. Инстититоры исчезли за деревьями, и я с трудом двинулась в указанном Генрихом направлении. Колени всё ещё дрожали, а тело под тяжёлым платьем взмокло. Я опасно покосилась на человека, который шёл в ста метрах справа от нас. Проглотила комок, который встал в горле и прошептала:

– Долго ещё?

Генрих кивнул на возвышение, на котором ярким пятном выделялся жёлтый дом.

– Туда, – тихо проговорил он. – Здесь мы можем встретить и других хранителей. Никому не смотри в глаза. И самое главное: что бы ни произошло, не вздумай колдовать.

Тело моё задрожало сильнее, но я исподлобья посмотрела на институтора и сухо проговорила:

– Не дура, сама понимаю.

Лицо его на мгновение озарилось улыбкой.

– С первым бы я поспорил, но второе меня успокаивает, – фыркнул он. И я снова ощутила тычок в спину: – Скорее!

Я зарычала и закинула тяжёлый подол себе на предплечье так, что хотя бы с правой стороны под ногами ничего не мешалось, и я видела ступени, которые вели к жёлтому домику. Мимо с резким писком пролетели пичуги, и я снова покачнулась, уже привычно втянув шею в ожидании захвата. Но Генрих поддержал мой локоть и тут же отдернул руку. Я едва сдержалась, чтобы не выказать своё изумление. Ступени давались тяжело, а подол непослушно выскальзывал из моих мокрых пальцев.

Я с трудом поднялась на площадку и судорожно перевела дыхание, тыльной стороной ладони оттирая пот, который струился по моему лицу. А взглядом настороженно обшарила множество широких занавешенных прозрачными тканями проёмов.

– Странный домик, – выдохнула я. – Ни дверей, ни окон... Сплошная вентиляция! Как здесь жить?

Генрих нетерпеливо пошагал по каменной площадке, бросив на ходу:

– А здесь и не живут...

Я и возвела глаза к чистому небу, а пальцы мои обхватили холодный кулон. Наконец-то я отдам долг охотнику и можно будет жить спокойно... Покажу Генриху на дверь. Ничего, сама справлюсь! Будут клиенты, будут и деньги. В крайнем случае, поищу другого, более адекват-

ного компаньона. Пока я мечтала, инститор откинул занавесь и исчез в доме, я поспешила за ним.

Внутри меня окружил запах благовоний, а взгляд наткнулся на возвышение, на котором лежал немолодой мужчина. На сером камне серебрились его русые с проседью волосы, а на фоне красной одежды руки, сложенные на груди, казались белоснежными. Я пристально посмотрела на его закрытые веки, и спина моя похолодела.

– Он мёртв? – прошептала я, невольно вцепившись в футболку Генриха.

– Нет, конечно, – хмыкнул тот, вырываясь из моих скрюченных от страха пальцев. – Иначе как бы ты забрала его воспоминание? Приступай!

– А! – Я вытерла взмокший лоб. – Так это клиент! Странное место для сна... А он не проснётся?

Генрих подошёл к каменной кровати, и пальцы инститора легонько прикоснулись к плечу спящего, словно убеждаясь достаточно ли крепок его сон.

– Не твоё дело, ведьма, – тихо проговорил он, но ту же неохотно добавил: – Не проснётся. Действуй!

Я деловым тоном спросила:

– Что брать?

Руки Генриха скользнули за его спину, а лицо обратилось ко мне.

– Двадцать пятое апреля этого года, с девяти до полдесятого утра, – сухо проговорил он.

Я завернула непривычно длинные рукава платья и сжала пальцы так, что раздавался лёгкий хруст суставов. Генрих коротко усмехнулся, а я лишь поджала губы, стараясь полностью сосредоточиться. Забрать определённое воспоминание несложно. Но невероятно трудно не прихватить с ним ещё с десяток. Этого я инститору, разумеется, не сказала. И не только ему... Честно говоря, никто не знает о моих реальных возможностях. Иначе лицензию я бы так и не получила...

Я выдохнула, и пальцы мои легли на закрытые веки спящего человека, а сердце забилося, словно пойманная птица. Боковым зрением я видела, как напряжённо следит за мной инститор, и невольно скрипнула зубами. Лишь бы он не догадался о правильном вопросе! Я же под зельем... Ах, нет! Нельзя отвлекаться. Итак, двадцать пятое апреля. По запястью скользнуло воспоминание, и я едва сдержала стон: двадцать пятое мая! Целый день! Это всё из-за проклятого инститора!

Я отдернула руки и обернулась к Генриху.

– Не смотри! – громко прошипела я.

Брови его приподнялись, а правый уголок рта дёрнулся.

– Это ещё почему?

– Мешаешь! – рассерженно проговорила я, а по спине прокатилась волна жара: если инститор спросит, как именно, то... Шея моя похолодела, и я поспешно сложила ладони: – Ну пожалуйста!

Инститор хмыкнул, и руки его упёрлись в бока, но всё же Генрих крутанулся на месте. Я покосилась на его затылок и промокнула лицо рукавом. Затем мои дрожащие пальцы снова легли на глаза неvezучего дяденьки, у которого я невольно украла целый день из воспоминаний. Руки мои напряглись, а в голове зазвенело от старания. Двадцать пятое июня... Я застонала и уронила руки. Чёрт! Какое июня?! Он же сказал, что апреля!

Генрих повернулся, и его холодный взгляд пронзил меня:

– Что?..

Я нервно улыбнулась и перебила инститора прежде, чем тот успел закончить вопрос:

– Сейчас-сейчас! Мне нужно сосредоточиться... Отвернись, пожалуйста!

Инститор поджал губы, а по щекам его скользнули желваки.

– Не тяни! Каждая минута на счету, – прорычал он.

– Всего лишь несколько секунд! – фальшиво оскалилась я.

И ведь правду сказала. Дел-то на пару секунд... Только бы хорошенько сосредоточиться. И так, двадцать пятое... апреля... девять утра... По запястью заструились воспоминания, и я невольно вскрикнула, судорожно прерывая их поток.

Кожу на голове стянуло от ужаса, и я осела на пол. Хватанула больше, чем нужно, да ещё случайно заглянула в само воспоминание. Кровавые тела... Я потрогала свои немеющие щёки, а видела лишь тягучие багровые разводы. Живот мой скрутило, и я согнулась пополам. Жёлтая лужица растекалась по полу, а жуткое зрелище всё ещё стояло перед глазами. Всего-то секунда из украденных минут! Долгая секунда страшного воспоминания...

Повернула голову и с недоумением уставилась на вытянутую физиономию Генриха. Он что-то говорит, но я не понимаю слов. Трясёт меня, но я почти не ощущаю этого. Инститор отпустил мои плечи и присел на корточки, в пальцах его сверкнул кулон. Звуки медленно возвращались.

– Помести сюда! – рассерженно твердил он. – Слышишь? Ведьма! Воспоминание помести сюда...

Я перевела взгляд на маленькую амфору.

– Как?

Он криво усмехнулся и покачал головой.

– Не строй из себя ангела, ведьма! Ты же мучила людей чужими воспоминаниями?

– Да, – призналась я и сжалась в испуге, а ноги мои похолодели: будь проклята Аноли с её зельем! Губы Генриха гадливо скривились, и я торопливо добавила: – Но все эти люди были плохими!

– Мне всё равно, – перебил институтор и поднялся. А я недоверчиво хмыкнула: как же! Всё равно ему... Генрих быстро продолжил: – Тем же способом, как отдаёшь воспоминание человеку, отдай его амулету. Такими специальными контейнерами пользуются все ведьмы. Я сейчас имел в виду ведьм, которых природа не обделила мозгами.

Я посмотрела на него снизу вверх и мрачно проговорила:

– Если не перестанешь меня унижать, я не буду этого делать! Ты просил забрать воспоминание? Я его забрала! Сделка выполнена...

– Не выполнена, – холодно ответил он и многозначительно кивнул на кулон: – Пока не переместишь воспоминание сюда. – Он вдруг усмехнулся: – Или боишься, что и тут мозгов не хватит?

– Не боюсь! – недовольно буркнула я и подхватила кулон левой рукой, а правую простёрла над верхней его частью. Пальцы мои слегка дрожали, а сердце колотилось. Но воспоминание послушно скользнуло в амфору, получилось даже легче, чем с живым человеком, и я весело добавила: – Мозги у меня на месте, можешь сам в этом убедиться!

Генрих присел рядом и заглянул мне в глаза.

– Я уже давно убедился, – почти ласково проговорил он, и я невольно улыбнулась, – что их нет и не было!

Улыбка моя растаяла.

– Да почему?! – не выдержала я.

Он многозначительно щёлкнул по кулону.

– Не догадываешься, почему умные ведьмы могут смотреться в зеркало? – Я растерянно моргнула, а Генрих хмыкнул: – Загадка не по зубам, понимаю. Точнее, не по мозгам... Ладно, поднимайся! Уходим...

Я с трудом выпрямилась и на негнущихся ногах последовала за институтором, а взгляд мой, казалось, прожигал его спину насквозь.

– Ненавижу, – прошипела я.

Генрих вдруг замер и очень медленно развернулся, его широкая улыбка мне очень не понравилась. Он склонился к самому моему лицу, и я нервно сглотнула.

– Ненавидишь меня, – проговорил он и подмигнул: – Но всё равно хочешь?

– Да, – ответила я и услышала скрежет собственных зубов, а щёки мои обожгло жаром.

Да когда же прекратится действие этого зелья? Меня же вырвало! Генрих, казалось, наслаждался каждым мгновением моего унижения. Чем бы его отравить?

– Следуй за мной, ведьма, – проговорил Генрих и выпрямился. – Можешь наслаждаться моим сексуальным видом сзади!

И стремительно направился к одному из проёмов, а я тоскливо посмотрела на его спину. Широкие плечи, узкие бёдра. Чёрт! Действительно сексуальный! Некстати вспомнились слова Забавы о ямочках... Да о чём я думаю в логове врага?!

Я нервно оглянулась на спящего и поспешила за Генрихом. Сердце моё замерло, а взгляд с трудом оторвался от пятой точки инститора. Я прижала холодные пальцы к горящим щекам. Точно схожу с ума! Дать бы себе оплеуху!

– Э, – промычала я, но Генрих не оглянулся. Кулаки мои сжались, и я выпалила: – Понять не могу, как ты с таким раздутым самомнением в двери проходишь! И чего ты прицепился ко мне, а? Сам же говорил, что не можешь и думать о сексе!

Плечи инститора затряслись, и сердце моё замерло. Он что, смеётся?!

– А ты, как я посмотрю, не можешь о нём не думать, – не оборачиваясь, насмешливо протянул Генрих: – Сразу видно дочь инкуба!

Зубы мои заскрипели. Мало отравить! Четвертовать надо! Опробовать на нём всю его сумку!

– Это ты постоянно о нём говоришь! – злобно прошипела я. – Спрашиваешь, хочу ли я тебя! Это вообще нормальный вопрос? Или тебе так приятно слышать ответ? В кайф поиздеваться над ведьмой лишний раз...

Генрих замер и медленно повернулся, я невольно отшатнулась и сглотнула.

– Поиздеваться над ведьмой никогда не лишне, – мечтательно проговорил он, и кулаки мои сжались так, что ногти впились в ладони. – И мне действительно приятно смотреть, как ты краснеешь и задыхаешься от стыда за свои эротические фантазии...

– Да какие там фантазии? – вспыхнула я. – Не лсти себе, инститор! Да, ты красивый. Но не исключительный...

– Да ладно?! – хмыкнул Генрих, наступая на меня.

Но я заставила себя остаться на месте и не опустить взгляда.

– Торт в магазине тоже красивый, – запальчиво продолжила я. – И я его тоже хочу! Слопала бы весь за раз. Но знаю, что потом будет плохо. Человека определяют не желания, а решения и действия!

Генрих вдруг расхохотался, и глаза его сверкнули.

– С тортом меня сравнила, – веселился он. – Забавно.

Он шагнул, приближаясь вплотную, и я, не выдержав, отступила, но спиной наткнулась на дерево. Генрих опёрся ладонью о шершавый ствол и склонился к моему лицу. Правая бровь его приподнялась, а рот перекосила усмешка.

– Так может, предложить тебе один кусочек?

Голова моя закружилась, а пальцы похолодели.

– Тебе-то зачем? – прорычала я, судорожно хватаясь за дерево. – Тебя же это... корёжит... говорил, что каждое прикосновение ко мне словно удар током...

Генрих стремительно прикоснулся губами к моему рту и так же быстро отстранился. Лицо его приобрело задумчивое выражение. Перед глазами у меня всё поплыло, а ноги пронзила крупная дрожь. Инститор только что поцеловал меня?

– Точно! Как удар током, – кивая, проговорил он и широко ухмыльнулся: – Зато бодрит! Может, ещё разок?

Я хватала ртом воздух, не в силах выдавить ни слова. В ушах зашумело от ярости. Лицо Генриха приблизилось, а я оторвала от дерева непослушные пальцы и поспешно прикрыла ему глаза. Инститор вздрогнул, а по запястью моему заструились чужие воспоминания.

Охотник вскрикнул и отшатнулся, прижимая руки к побелевшему лицу. Тело его на секунду замерло, затем ноги его подкосились, и Генрих рухнул передо мной на колени. А за ним я вдруг увидела фигуру незнакомого институтора. Глаза его сверкали, а рот исказился в холодной усмешке:

– Опаньки! Ведьма? Здесь?!

Сердце моё сжалось, а руки затряслись. О, нет! Я же практически напала на институтора в их проклятом обиталище! Я бросилась к незнакомцу и, упав перед ним на колени, обхватила его ноги.

– Умоляю, не жгите меня!

Тот замер на мгновение, и я с надеждой посмотрела снизу вверх на его ошеломлённое лицо.

– Ну не знаю, – протянул он. – Искушение так велико!

Я отпрянула и зажмурилась в ожидании скорой смерти, а рядом послышался хрип:

– Это моя ведьма!

Я распахнула глаза и с изумлением уставилась на Генриха. Тот сидела на земле, потирая глаза и... смеялся! Мой взгляд опустился на дрожащие пальцы. Может, я с перепугу одарила его чьи-ми то счастливыми воспоминаниями? Как жаль! Опять осечка... Стоп! А почему вообще сработало? Инститор утверждал, что на него моя ворожба не действует! И тогда в офисе это действительно не прокатило. Я схватилась за голову: да какая разница? Меня всё равно сейчас уничтожат!

Незнакомец присел рядом с Генрихом, и его рука опустилась на плечо пострадавшего институтора.

– Ты как, дружище? Вижу, что не скучаешь...

Тот ухмыльнулся и поднял лицо.

– Да уж, скучной мою жизнь точно не назовёшь! – широко ухмыльнулся он.

Я с ненавистью покосилась на его белые зубы, мечтая выбить парочку. Инститоры обернулись ко мне, и я отползла, упираясь руками в землю.

– Говоришь, твоя ведьма? А зачем ты притащил в Крамор свою новую игрушку? – весело спросил незнакомец и усмехнулся: – Неужели затем, чтобы представить её Аноли?

Я смотрела на них, стараясь не упустить ни малейшего движения. Новый институтор меня не уничтожил на месте преступления сразу, а значит, либо послушался Генриха, либо... И тут сердце моё дрогнуло. Что?! Какую ещё новую игрушку? Он что, обо мне? Генрих молчал, потирая красные веки, и губы мои невольно расплылись в хищной улыбке. А хорошо я его приложила! С учётом того, что жертва бодрствовала. Мастерство моё растёт!

Взгляд незнакомца ощущал меня, и я невольно скрестила руки на груди, закрывая кулон.

– И что, Аноли одобрила замену себе любимой?

Я удивлённо приподняла брови и нервно спросила:

– Вы о чём?

Генрих вдруг отвесил институтору затрещину и резво вскочил на ноги.

– Что ты несёшь? Я лишь советовался с Аноли по поводу неконтролируемой силы малолетней ведьмы! Я теперь не сижу за высокими стенами, а реально борюсь с ведьмами! – Я замерла, и даже дыхание перехватило от возмущения: малолетней?! А Генрих дёрнул друга

за руку, помогая тому подняться: – А ещё мне интересно, каким чудом она сумела получить лицензию. Пора уже организовать проверку в Комитете.

Второй инститор посмотрел на меня, и во взгляде его серых глаз я вдруг заметила тень уважения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.